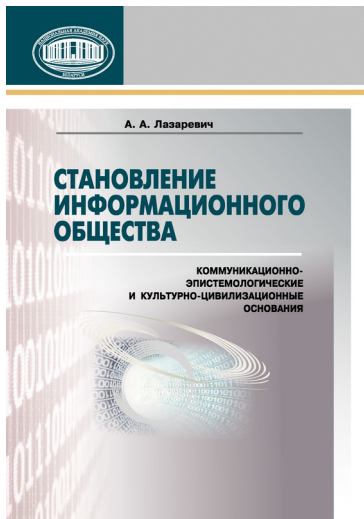

Анатолий Лазаревич

**Становление информационного
общества. Коммуникационно-
эпистемологические и культурно-
цивилизованные основания**

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2015

Лазаревич А. А.

Становление информационного общества. Коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизованные основания /
А. А. Лазаревич — «Издательский дом “Белорусская наука”», 2015

В монографии исследуются актуальные проблемы Современности, обусловленные кризисом гуманитарных ценностей индустриальной эпохи и поиском новых сценариев развития цивилизации и культуры. Излагается позиция автора в отношении ряда дискуссионных вопросов: в каком обществе мы живем — индустриальном, постиндустриальном, информационном, обществе, основанном на знании; каковы «пределы роста» техногенной цивилизации; что ожидает человека в бурно развивающемся мире техники, информации, интернет-технологий, виртуальной реальности; насколько возможны и эффективны инструменты управления информационно-коммуникационной средой и др. Обосновывается комплекс теоретико-методологических и практических средств становления и перспективного развития информационного общества, в том числе и в Республике Беларусь. Адресуется ученым, специалистам органов государственной власти и управления, работникам учреждений образования и культуры, аспирантам, магистрантам и студентам, а также всем тем, кто интересуется современными тенденциями социальной динамики.

УДК 1
ББК 87

© Лазаревич А. А., 2015
© Издательский дом “Белорусская
наука”, 2015

Содержание

Введение	6
Глава 1. Природа и сущность социальной информации и коммуникации	12
1.1. Понятие социальной информации	14
1.2. Понятие социальной коммуникации	22
1.3. Культурно-цивилизационный контекст информационно-коммуникативных процессов	33
1.4. Информационные основания социальной коммуникации и общения	42
1.5. Субъект-субъектные коммуникации: актуализация гнозиса, культурно-цивилизационное измерение	53
Глава 2. Противоречия индустриализма и дилеммы становления постиндустриального и информационного укладов общества	62
2.1. Индустриализм в зеркале ценностей техногенного общества	62
2.1.1. Трансформация концепции технологического детерминизма: на пути к конвергентной технологической картине мира	70
2.1.2. Горизонты техносциума	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Анатолий Лазаревич

Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания

Научный редактор: доктор философских наук, профессор И. Я. Левяш

Рецензенты: академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор Е. М. Бабосов; член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор Л. Ф. Евменов

Рекомендовано Ученым советом ГНУ «Институт философии НАН Беларуси» (протокол от 18 июня 2015 г. № 8)

© Лазаревич А. А., 2015

© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2015

Введение

Стремительное развитие современной цивилизации сопряжено с рядом социально-практических и мировоззренческих проблем. К числу последних могут быть отнесены трудности, даже для философского знания, четкой фиксации основных характеристик формирующейся на рубеже XX–XXI вв. социальности. В самом общем плане ее называют постиндустриальной, поскольку она закономерно приходит на смену индустриальной эпохе, символизирующей техногенный формат социального прогресса. Для нового типа социальности необходимо сформулировать не только конкретные формы проявления, но и типичные проблемы развития на нескольких уровнях.

На социально-политическом уровне ключевой задачей остается трансформация функций государства в направлении их либерализации, гуманизации, поиска баланса интересов между государственным администрированием и общественным самоуправлением. В социальной рефлексии меняется представление о взаимных функциях государства и гражданского общества, интерпретация природы и характеристик самого гражданского общества, которое все далее уходит от просвещенческого канона. Насущной проблемой становится понимание сетевой самоорганизации социальных и политических субъектов, спонтанной и детерминированной политической активности. Все это заново актуализирует задачу адекватной социально-философской и политической прогностики, роли экспертного знания в этой сфере. Экономический срез осмысления «новой социальности» напрямую связан с обсуждением проблем качества жизни, его материального и духовно-эмоционального измерения, справедливого распределения социальных благ. Нужно иначе посмотреть на рынок как инструмент социально-экономической регуляции. Если дальше углубляться в эту тему речь, по сути, должна идти о становлении новой модели экономики, в основе которой находятся феномен и понятие услуги, приобретающие все более универсальные черты. Одна из важных задач сегодня – избежать стереотипа понимания услуги как виртуального, «нематериального», «нетрудового» занятия. Сфера услуг и сам концепт «услуга» в любой стратегии общественного развития (а в постиндустриальной – особенно) имеют не только важный экономический, но и гуманитарный смысл. Принципиальная черта услуги – ее адресность, или человекоориентированность. Что-либо делать, создавать какие-либо социальные среды, отношения, не задаваясь вопросом, кому это «нужно», кто станет субъектом этих отношений, – по меньшей мере абсурдно. Более того, любой товар как объект, взятый в контексте социальных отношений его рекламирования, купли-продажи, практического применения, утилизации или повторного использования, в сущности, также может рассматриваться как услуга. Думается, что если бы субъекты экономического планирования и деятельности шире оперировали термином «услуга» как фундаментальной категорией, говорить сегодня о «затоваривании складов» не приходилось бы. Поэтому и реальный сектор экономики (сельскохозяйственное и промышленное производство) также должен «согласиться» с тем, что, по сути, работает в режиме оказания услуг, по-другому – удовлетворяет чей-то спрос.

В культурно-цивилизационном отношении формирующаяся «новая социальность» отличается тем, что цивилизация все активнее «подчиняет себе» культуру, культуру как духовный феномен, которая в предыдущих типах общественного развития мыслилась как фундамент и главный «арбитр» цивилизационной динамики. Ценности современной цивилизации все больше связываются с представлениями о новом уровне ее интеллектуализации. Модели модернизации, инновационного развития современного общества основываются не только на приоритетности человеческого интеллекта, но и на идеалах интеллекта искусственного. Но при этом не следует забывать поучительный опыт индустриальной эпохи, преклонявшейся перед достижениями научно-технического прогресса. Сегодня она настоя-

чиво и во многом оправданно критикуется по многим социально-антропологическим, этическим и другим духовно-культурным критериям. Это лишний раз подтверждает мысль о том, что требование интеллектуального развития общества не может быть полноценно реализовано вне его связи с императивом интеллигентности, содержательными признаками которого выступают духовность, культура, образовательный кругозор, порядочность, национальное самосознание, ответственность и др.

Наконец, существует философско-антропологический срез проблем «новой социальности». Здесь речь следует вести о серьезной трансформации мироощущения человека, совершенно новых коннотациях смысла жизни. Об этом говорит растущая статистика девиаций, зависимого поведения, в частности, компьютерной зависимости, интернет-зависимости, других новых социально-психических синдромов. Современный мир очень интенсивно изменяется, велика плотность событий, в которые включены люди, генерируются и транслируются огромные потоки информации. Человек объективно, в силу даже своих физиологических особенностей, не готов за всем этим успевать, а тем более продуктивно использовать. Отсюда стрессы, перегрузки, психические расстройства и т. д.

Большая опасность коренится также в том, что большинство людей в мире изобилия различной информации не формируют собственные (индивидуальные) смыслы, а «слепо впитывают» то, что выбрасывается сегодня на информационный рынок. Следствием этого является так называемое клиповое сознание, лишенное какой бы то ни было креативности. В этом ряду проблем следует рассматривать и образование своего рода мировоззренческого хаоса, обуславливающего растерянность человека в мире, его приверженность то одним, то другим идейным течениям, партиям, сектам, деструктивным организациям и т. п.

В последние несколько десятилетий социально-гуманитарная наука обращает свой взор к проблемам и противоречиям индустриализма, занимается исследованием тех новых тенденций, которые стали доминировать в экономике и социальной сфере, начиная с 50-х гг. XX в. Вот лишь некоторые из них: резкое сокращение удельного веса аграрных и индустриальных секторов производства в структуре ВВП большинства развитых стран мира, а также численности людей, занятых в этих секторах, и перераспределение их в сферу «обслуживания самих себя», то есть в сферу услуг и социального сервиса; интеллектуализация и технологическая модернизация производства, ориентация его на выпуск наукоемкой, высокотехнологичной продукции с минимальным природоресурсным компонентом; приобретение информацией и знанием статуса стратегического ресурса общества, способного кардинально изменить традиционные представления о формах и механизмах прибавочной стоимости; активный рост во всех ключевых сферах общества меритократии, то есть специалистов, полагающихся как в своей личной, так и в общественной деятельности на возрастающее значение образования и знания, духовно-культурных ценностей; изменение структуры социальной стратификации, мобильности общественно-экономических и культурных отношений.

Это только некоторые из основных факторов постиндустриальной модернизации общества. Конец XX и начало XXI в. показали, что и эта стратегия модернизации *нуждается в существенной корректировке* по причине интенсивного развития компьютерных технологий и процессов информатизации, закладывающих основы новой модели социальной, в том числе производственной, организации и коммуникации, получившей название информационного общества.

Информационный уклад характеризуется формированием особой структуры социальных взаимодействий и особых практик познания и освоения действительности человеком, социальными группами и обществом в целом. Несмотря на то что формы и способы коммуникации можно считать одним из основных факторов, структурирующих социальное пространство на протяжении всей истории человечества, именно в наше время развитие инфор-

мационно-коммуникационных технологий становится движущей силой экономического и научно-технического прогресса, формирования новых наукоемких производств и секторов экономики. Это обстоятельство и дает основание характеризовать современную историческую эпоху как «эпоху информационного общества» [164].

Критерием становления информационного общества является не только и не столько количественное накопление информации, сколько приобретение ею нового качественного статуса: она становится определяющим фактором промышленно-технологического развития и одним из основных факторов организации и управления в социальном пространстве. Деятельность человека на протяжении тысячелетий способствовала наращиванию массивов социально и цивилизационно значимой информации. Наступление эры информационного общества не отменяет этот фундаментальный процесс; можно даже констатировать, что скорость накопления информации экспоненциально возрастает. Вместе с тем именно в информационном обществе его отличительной чертой становится увеличение интенсивности обработки информации, то есть рост ее освоения и инструментализации, и, соответственно, производства вторичной информации по сравнению с накоплением, которое было основным приемом взаимодействия с информацией в традиционном и отчасти в индустриальном обществе. Функциональной основой информационного общества является процесс интенсивной переработки информации в знания. При этом знание понимается как особое качественное состояние информации как освоенной, отрефлексированной, систематизированной и интегрированной социальным субъектом в эпистемические системы различного уровня.

Тем самым в монографии устанавливается соотношение между понятиями «информационное общество» и «общество, основанное на знаниях». Термин «информационное общество» описывает реальность общества, основанного на знаниях, с точки зрения состояния и эволюции производительных сил. И наоборот, термин «общество, основанное на знаниях» описывает информационное общество с точки зрения «способа производства» – сочетания производительных сил и системы отношений, складывающихся по поводу производства, хранения и распространения информации и знаний.

Информация и знания в любых типах общества играли исключительно важную и определяющую роль. Применительно же к обществу знания речь идет не столько об этих феноменах как таковых, сколько о нетрадиционных способах производства и культурно-экономической социализации информации и знаний в связи с новейшими достижениями в области когнитивно-компьютерных наук и информационно-коммуникационных технологий. В связи с этим понятие общества знания нередко отождествляется с понятием экономики знаний, хотя и не сводится к нему. Кроме высокой наукоемкости технологической сферы общества, синергичного взаимодействия био-, нано-, инфо- и когнитивных технологий, в обществе знания актуализируются и другие важнейшие сферы. Например, применительно к области духовно-культурных процессов речь следует вести о ценностях образования, новых возможностях и технологиях его получения. Высокий уровень образованности и нравственности, информационной культуры, профессиональной компетентности и ответственности – неотъемлемая характеристика субъекта общества знания.

Современные социальные трансформации имеют достаточно сложную структуру, и их коммуникационно-эпистемологическая сущность едва ли может быть очерчена границами той или иной теории. Сегодня коммуникация в различных ее типах и формах сама выступает характеристикой социального развития, воплощая в себе его интеллектуальные, социально-экономические, научно-мировоззренческие, технологические, нравственные, культурологические и другие важнейшие особенности. В этом смысле нам близка позиция Н. Лумана, полагающего, что общество, или, точнее говоря, социум, по существу и есть социальная коммуникация, то есть любые социальные системы, как считает немецкий социолог,

образуются исключительно благодаря коммуникации и в силу необходимости селективного согласования информации.

Современный социум в высшей степени являет собой информационно-коммуникационную модель социальной организации. Речь идет об активизации так называемого третичного, социально-мобильного сектора общественно-экономической деятельности (сферы услуг, сервисной экономики как все более значимой области социальной активности и взаимодействия), и четвертичного – информационного, который напрямую стимулирует коммуникационную активность. Кроме этого, происходит изменение общей схемы социальных связей и отношений в социуме путем перехода в его организации от преимущественно иерархической, вертикальной структуры к горизонтально-сетевой, которая во многом усиливает целевое и функциональное значение информационно-коммуникационных факторов.

При этом видоизменяются не только принципиально новые коммуникационные основы организации общества, но и сами типы и формы социальной коммуникации, что в целом обнаруживает тенденцию трансформации ее структуры и эволюции. Речь идет в первую очередь об изменении классических моделей субъект-объектных и субъект-субъектных отношений. Данные вопросы рассматриваются в монографии как в их самостоятельном значении, так и в отношении к современным процессам виртуализации социокультурной практики.

Способность участвовать в генерировании виртуальной реальности не является уникальным свойством человека информационной эпохи. Вместе с тем именно способность человека к виртуализации (то есть к участию в процессе создания вторичной реальности, пониманию специфики ее законов, а также к свободному переключению сознания между мирами «реального» и «виртуального») становится едва ли не базовой коммуникативной компетенцией, важнейшей предпосылкой социального благополучия. Технологическая структура строящегося общества знаний предполагает, что функциональные позиции, не связанные напрямую с обработкой информационных потоков, работой в сфере сконструированной реальности (а это не только телекоммуникационная отрасль, индустрия информационных технологий, система массового информирования, рекламы и PR, но и, к примеру, фондовый, банковский, страховой бизнес и т. п.), все более отступают на второй план. По большому счету, в этом и заключается постиндустриальная трансформация экономики, отмеченная возрастающей ролью третичного сектора производства социальных благ.

Несмотря на ряд издержек формирующегося информационного общества, монография ориентирована на позитивный смысл выражения его сущности в контексте выявления и анализа следующих ключевых особенностей: превращение информации и знаний, фундаментальной науки и технологий в важнейший ресурс материального и духовного производства; трансформация технологического уклада общества в направлении все более наукоемких и востребованных решений; изменение структуры социальной стратификации путем увеличения удельного веса и роли творцов и носителей знания; горизонтальная (сетевая) организация; мультикультурность и глобальность.

Под таким углом зрения современная коммуникация предстает как коммуникация по преимуществу *интеллектуальная*, основанная на знаниях в их непреходящем личностном измерении, что обуславливает высокий образовательный и культурный уровень современного субъекта, его профессиональную компетентность и ответственность.

Степень научной рационализации и технологизации социокультурного развития будет, в конечном счете, возрастать, что не должно автоматически ассоциироваться с «интервенциями» неуправляемого и довлеющего научно-технического прогресса. Последнему также свойственна естественная саморегуляция. Именно в плоскости такой саморегуляции сегодня следует рассматривать постановку вопроса об оптимальной организации научно-технического творчества, постнеклассических типах рациональности, законодательных и

нравственных границах научных открытий и их технологических воплощений. В монографии эти и ряд других сопряженных вопросов рассматриваются через призму информационно-коммуникационных отношений, имея в виду, что только в контексте межличностного и в целом широкого социального взаимодействия возможно взаимопонимание, а соответственно, и консолидация интеллектуального и духовно-культурного опыта человечества.

Монография основана на анализе и обобщении накопленной социогуманитарным знанием междисциплинарной информации об основных тенденциях трансформации современного общества. Решаемые в ней задачи связаны с выяснением содержания и взаимоотношений понятий индустриального, постиндустриального и информационного общества; анализом количественных и качественных показателей, описывающих динамику информационно-коммуникационной среды в мире и в Беларуси; выявлением и характеристикой основных параметров и противоречий адаптации человека к информационно-коммуникационной среде как составных частей «антропологической проблемы информационного общества», а также параметров развития человеческого потенциала в глобализирующейся информационно-коммуникационной среде; обоснованием ценностных основ и принципов управления процессами информатизации и модернизации.

Теоретические основания данной работы заложены, прежде всего, исследованиями в области теории постиндустриализма и формирования информационного общества. К основоположникам этого междисциплинарного научного направления следует отнести Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, Р. Дарендорфа, М. Кастельса, М. Маклюэна, Ё. Масуду, Дж. Нейсбита, А. Портера, Р. Престуса, Э. Тоффлера, А. Турена, Ф. Фукуяму, Д. Эймора, А. Этциони и др. Значимую роль в адаптации положений теории постиндустриального развития к специфике постсоветских стран сыграли работы И. Ю. Алексеевой, А. В. Бузгалина, О. Н. Вершинской, Т. В. Ершовой, В. Л. Иноземцева, И. С. Мелюхина, А. И. Ракитова, А. Н. Райкова, В. П. Руднева, А. Д. Урсула, Д. С. Черешкина, М. Эпштейна, Ю. В. Яковца и др.

В монографии учтены основные положения Декларации принципов построения информационного общества (Женева, 2003), Плана действий Тунисского обязательства (Тунис, 2005), а также подходы и перспективы развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), содержащиеся в Заявлении ВВУИО+10 о выполнении решений, принятых в 2003–2005 гг., и в разработанной ВВУИО+10 Концепции на период после 2015 года (Женева, 2014).

Развитию исследований данного профиля способствует формирование в разных странах мира специальных научно-исследовательских учреждений. В их числе можно назвать BCIS – Центр информационного общества Университета Беркли (США); CITRIS – Центр исследований информационных технологий в интересах общества (США); Центр «Информация и общество» Вашингтонского университета (США); Центр технологий информационного общества Университета г. София (Болгария); Центр исследований постиндустриального общества под руководством В. Л. Иноземцева (Россия); негосударственный Информационно-аналитический центр «Парето» (Россия); Центр исследований проблем информационного общества при Одесской национальной академии связи имени А. С. Попова (Украина) и ряд других.

Таким образом, на сегодняшний день проблема становления информационного общества стала одной из центральных проблем социально-гуманитарной науки и практики. Для ее решения создается специальный теоретико-методологический аппарат, формируются междисциплинарные подходы, использующие опыт и возможности исследований в рамках философии, социологии, культурологии, психологии, когнитивных дисциплин.

Вместе с тем это не равнозначно «всеядности», претензии на «многознание», которое, как заметил еще Гераклит, «уму не научает». Не «многознание», а культурно-философское интегративное знание – такова мировоззренческая и методологическая парадигма данного

исследования. Немецкий философ и культуролог Э. Кассирер отмечал: «Мы погружаемся в исследование отдельных явлений в их богатстве и многообразии... Но перед собственно философским знанием стоят иные задачи: его исходный пункт и рабочая гипотеза заключаются в утверждении, что разнообразные и, по-видимому, рассеянные лучи можно собрать вместе, соединить в фокус» [162, с. 702].

В изобилии классических и современных, нередко альтернативных взглядов на культурно-цивилизационные основания социодинамики в равной мере неприемлемы как неопределенность «разброса» мнений, так и субъективно-пристрастная категоричность утверждений. Как правомерно констатировал известный мыслитель Р. Рорти, реальность одна, а описаний ее множество. Но это довод не для анемичной констатации равноценности «описаний», а для поиска такой их интерпретации, которая более адекватна реальности. Поэтому непреходящей эпистемологической ценностью остается принцип монизма, вместе с тем, открытый другим стратегиям поиска истины.

Таким образом, предпочтительным для данного исследования оказалось постижение современной социокультурной динамики в единстве взаимосвязанных *уровней*, которое обеспечивает упорядоченность и поступательную направленность ее познания. Вначале происходит описание данного объекта на *экзистенциальном* уровне в исходных и фундаментальных понятиях «культура», «цивилизация», «информация», «знания», «коммуникация», «социальная трансформация». Затем следует *эссенциальный* анализ, предметное выявление сущности индустриального, постиндустриального и информационного укладов общества. Их описание и объяснение создает предпосылки герменевтического *понимания*, то есть адекватного выявления ценностного смысла современной социальной трансформации путем ее соотнесения с основными акторами постиндустриальной модернизации и глобализации общества.

Наконец, *праксиологический* уровень – выработка практико-ориентированных предложений и рекомендаций по совершенствованию стратегии управления процессами становления информационного общества и механизмов социально-антропологической адаптации к нему. По Гегелю, «теоретическое по существу содержится в практическом, их нельзя представить себе разъединенными, ибо невозможно обладать волей без интеллекта. Напротив, воля содержит в себе теоретическое: мысля, мы деятельны» [84, с. 69–70]. Ф. Ницше также подчеркивал «опасное разграничение "теоретического" и "практического"... Не мерить двойной мерой!.. Не отделять теории от практики!» [265, с. 212].

Таковы мировоззренческие и методологические особенности данного исследования, его в принципе сложнейшие задачи, но «человек должен быть уверен, что непонятное доступно пониманию» (И. Г. Гете). Однако такое понимание – далеко не линейный процесс, и любая попытка «привести вещи в порядок сводится к оперированию вероятностями тех или иных событий... Постигание вероятностей и тем самым превращение хаоса в порядок есть чудо, которое повседневно творится культурой» [60, с. 40].

Сегодня информационное общество – уже более чем вероятность, и «чуду» его формирования в направлении зрелой реальности мы обязаны постижению фундаментальной и приоритетной роли исходных и базовых категорий современной социодинамики – информации и коммуникации, их культурно-цивилизационных и эпистемологических оснований.

Глава 1. Природа и сущность социальной информации и коммуникации

Уникальная возможность выражения взаимосвязей мира человека и человека в мире, как, собственно, и любых других феноменов, основывается на использовании соответствующих терминов, понятий и категорий. Они являются такой фундаментальной реальностью природы, структуры и динамики познавательной и коммуникативной деятельности людей, которую трудно переоценить. Еще Конфуций говорил, что если имя вещи дано верно, дело ладится, а если имя дано неверно, то дело придет в нестроение. Л. Витгенштейн отмечал, что «прежде чем спорить, нужно условиться в терминологии». Классик неопозитивизма также был убежден, что «если мы не знаем точных значений используемых нами слов, мы не можем ожидать какой-либо пользы от наших дискуссий» (цит. по: [298, т. 2, с. 25]).

Современные реалии подтверждают эту максиму. Так, по поводу ажиотажа вокруг модных ныне рассуждений об инновационной деятельности «многие серьезные специалисты считают, что значительная часть общественных претензий порождена именно терминологической путаницей, заложенной изначально». В итоге – «стремление поставить телегу вперед лошади», «инновации» вместо необходимой для них модернизации [256, с. 9].

И напротив, термины, адекватные «природе вещей», являются надежными ориентирами их освоения и координаторами коммуникаций между субъектами. Такие термины не возникают внезапно, а являются продуктом длительной эволюции теоретической и практической культуры.

В совокупности типичных характеристик современной социодинамики выделяются такие смыслотермины, как «информационное общество» (М. Порат, Ё. Масуда и др.), «постиндустриальное общество» (Д. Белл), и они соперничают с такими определениями, как «сетевое общество» (М. Кастельс), «новое индустриальное общество» (Дж. Гэлбрейт), «активное общество» (А. Этциони), «постэкономическое общество» (В. Иноземцев), «организационное общество» (Р. Престус), «постсовременное общество» (Ж. Ф. Лиотар) и др.

Отмеченные многообразные интерпретации основного содержания современного социального развития свидетельствуют о том, что мир, в который мы погружены, находится в состоянии бурной трансформации. В такой ситуации обострился триединый вопрос: «Кто мы? Откуда мы? Куда мы?» Это вопрос об истоках, сути, направленности и, в конечном счете, смысле нашей жизни. Спорно, в каком социуме мы живем, но все больше оснований утверждать, что у него глубинные культурно-цивилизационные основания. Эти основания – закономерности не анонимного, безлюдного «театра теней», характерного для многих культурологических текстов, а *деятельности* конкретно-исторических субъектов, их смысло-жизненных интересов, ценностей и ориентиров, способности к их творческой реализации.

Библейский Иоанн призывал «любить не словом и языком, а делом и истиною» (Ин. 3: 18). «Дело и истина» человека являются безошибочным репрезентантом его уникальности. Подчеркивая это, Ф. Ницше писал: «Вы хотите жить "сообразно с природой"?... Жить – разве это не значит... быть иным, чем природа? Разве жить не значит оценивать, предпочитать, быть... отличным от всего другого?» [263, с. 59]. Эти качества человека – следствие специфического *способа* его жизнедеятельности.

Уже средневековые философы заметили, что библейское «В начале было Слово» неверно переведено с древнееврейского, а затем с греческого, и означает не только слово, но и действие, деятельное начало мира. Оно присуще бытию в целом и доступно познанию. И. В. Гете также усомнился в однозначно вербальном характере библейского «начала» и добивался постижения его подлинного смысла: «"В начале было Слово"». С первых строк //

Загадка. Так ли понял я намек? // Ведь я так высоко не ставлю слова, // Чтоб думать, что оно всему основа. // "В начале Мысль была". Вот перевод. // Он ближе этот стих передает. // Подумаю, однако, чтобы сразу // Не погубить работы первой фразой. // Могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть? "Была в начале Сила". Вот в чем суть, // Но после небольшого колебания // Я отклоняю это толкование. // Я был опять, как вижу, с толку сбит. // "В начале было Дело" – стих гласит» [92, с. 47].

Деятельностный принцип является краеугольным камнем постижения и сути человека, и сути социально-исторического процесса. «История не делает ничего... – отмечали основатели марксизма. – Не "история", а именно человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется... История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [218, с. 102]. «Быть – значит быть в деле», – резюмирует немецкий философ К. Ясперс[430, с. 309].

Люди – авторы и актеры собственной драмы. Обстоятельства – объектная сторона деятельности, люди – субъектная, и человек формируется и развивается в их *взаимодействии*.

1.1. Понятие социальной информации

Наиболее емкие характеристики человека в мире и мира человека стремительно изменяют свой смысл. Еще сравнительно недавно, в эпоху Просвещения, человека определяли как *homo sapiens* (мыслящего, разумного) – родовой антитезы неразумного образа жизни наших растительных и животных предтеч и сосуществующих с нами существ и отсюда – морального права на господство над ними. Однако после социально-политических (прежде всего милитарных), экономических и экологических потрясений и катастроф XX – начала XXI в. легитимность человека, как разумного, поставлена под сомнение, и все более отчетливо речь идет не о его господстве над миром, а о *коэволюции* с ним, поиске фундаментальных оснований не только преемственности с эволюцией мира, но и способности по общим для нас законам кардинально преобразовать мир человека и человека в мире.

«Переоценка ценностей» в этом ключе происходит не сразу, а как синтез общественно-исторического опыта тысячелетий, становления, развития, упадка и смены его форм. Терминологически они идентифицировались по-разному, но неизменно подтверждаются мысль К. Маркса о том, что «размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм вообще избирает путь, противоположный действительному развитию. Оно начинается *post festum* (задним числом), то есть исходит из готовых результатов процесса развития» [222, с. 83]. В такой дедуктивной логике Маркс оставил блестящий афоризм: «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны». Этот принцип объясняет, почему нас уже не удовлетворяют определения современного общества как «капитализма» или «социализма» в их классических формах и востребованы его определения в таких фундаментальных терминах, как **социальная информация и коммуникация**. Именно о них можно сказать словами раннехристианского мыслителя Плотина: «*Я во всем и все – во мне*». Однако исходное затруднение заключается в различных интерпретациях этих базовых и «сквозных» понятий. Между тем, «прежде чем спорить, нужно условиться в терминологии».

Термин **«информация»** происходит от лат. *informatio*, что обозначает *сведение, разъяснение, ознакомление*. Понятие информации спорадически рассматривалось еще античными философами и до промышленной революции XVII–XVIII вв. было преимущественно прерогативой общепhilософского, но еще не *социально-philософского* знания с его специфической проблематикой.

В общепhilософском плане существует консенсус относительно того, что информация – это не материя, а одно из ее атрибутивных *свойств*. Как и все известные свойства, она стоит в одном ряду с такими атрибутами материального мира, как пространство, время, системность, функция, структура и др. Это основополагающие понятия формализованного отражения объективной реальности в ее разнообразном бытии и проявленности. Она существует в любом материальном объекте в виде многообразия его состояний и передается от объекта к объекту в процессе их взаимодействия. Информация – это объективное свойство материальных объектов и явлений порождать множество состояний, которые посредством фундаментальных взаимодействий материи передаются от одного объекта (процесса) другому и запечатлеваются в их структуре. Существование информации, как объективного свойства материи, обусловлено ее структурностью, непрерывностью изменений (движения) и взаимодействия материальных объектов и ее состояний – взаимной передачи, хранения и преобразования «следов» ее структуры.

Структурность материи проявляется как внутренняя расчлененность целостности, закономерный порядок связи элементов в составе целого. Иными словами, любой материальный объект, от субатомной частицы до Мета вселенной в целом, представляет собой

систему взаимосвязанных подсистем. Вследствие непрерывного движения, понимаемого в широком смысле как перемещение в пространственно-временном континууме, материальные объекты изменяют свои состояния. Они также изменяются при взаимодействиях с другими объектами.

Вопрос о природе информации является сложным и относится к фундаментальным законам (загадкам) эволюции мира. Оставляя в стороне дискуссии о трансцендентном ее источнике, рационально, в естественно-историческом контексте попытаемся взглянуть на эволюцию информационного процесса.

Если исходить из закона отрицания отрицания, то он не может считаться всеобщим, и его формула применима лишь к таким известным нам процессам, которые совершаются, в конечном счете, поступательно. Такой судьбоносный сдвиг на островке Вселенной, называемой Земля, произошел в эволюции информационного процесса в течение сотен миллионов лет перехода от неживой к живой, органической материи, постепенном становлении ее биологических оснований.

Один из существенных признаков этого сдвига – появление и развитие такого информационного разнообразия, как *жизнь*, возникновение *нового*, *повышение высоты самоорганизации* таких субстратов, их состояний и свойств, которые не были известны ранее, в предыдущих неживых состояниях.

Без появления нового не было бы поступательного движения в развитии. В лучшем случае, это был бы просто круговорот. Новое оказывалось способным к большему совершенствованию. Однако необходимо отметить, что не всякое новое может обеспечить поступательное движение информационных процессов. Таковым является только новое, которое способствует совершенствованию объектов и их взаимодействия, создает дополнительные импульсы их развитию.

Гегель в духе своего логоцентризма редуцировал эту эволюцию до качественного скачка в информационном процессе от биологических форм в природе к осознавшей себя материи, или «истории». «В природе, – писал он, – ничто не ново под Луной, и в этом отношении многообразие ее форм вызывает скуку. Лишь в изменениях, совершающихся в духовной сфере, появляется новое» [81, с. 52]. Однако, как свидетельствует комплекс наук об эволюции жизни на Земле, этот процесс был «сквозным» – от объективно целесообразной жизнедеятельности микроорганизмов до мира приматов, поразительного в пластике своей адаптации к среде.

Если поставить вопрос о механизме этого поступательного движения, то ответом является повышение *сложности* информационных процессов. Более высокая ступень неизменно оказывается более сложной по своей структуре, связям и взаимоотношениям между организмами. Усложнение есть результат кумулятивного характера этого процесса, ибо возникающее в нем новое не начисто отрицает старое, а вбирает в себя его жизнеспособные свойства, отношения, тем самым приводя к увеличению разнообразия информационного взаимодействия. Процесс усложнения, конечно, нельзя понимать абсолютно: наряду с усложнением происходит и упрощение некоторых сторон, свойств жизни. Однако упрощение есть лишь момент этого процесса, так как более высокая его ступень всегда, в конечном счете, оказывается более сложной.

Усложнение информационных процессов приводит к нарастанию разнообразия во взаимодействии, увеличению возможностей, новых дополнительных путей его совершенствования, а это, в свою очередь, вызывает возрастание его динамики, увеличивает внутреннюю и внешнюю активность. Иными словами, более высокая и сложная ступень эволюции характеризуется *ускорением*. «Чем выше, тем быстрее идет дело», – отмечал Ф. Энгельс в «Диалектике природы» [224, с. 620].

В конечном счете, как бы не относились к гегелевскому «перерыву постепенности» в эволюции жизни, все же следует принять его вывод о том, что качественно новое в ней появляется и развивается со становлением, развитием и сменой ступеней неизвестной ранее формы жизни – человека. На современной ступени развития происходит диалектическое «снятие» предыдущих и пока господствующих, но все более критически воспринимаемых форм и «возврат» к идеологически нейтральным, в силу своего общенаучного характера, понятиям «информация» и «коммуникация», «информационное общество», «коммуникативное (сетевое) общество» как более адекватным выразителям смысла происходящих глубинных общественных трансформаций.

В современном мире информация представляет собой один из важнейших ресурсов или источников развития человеческого общества. В мире человека происходит усложнение информационных потоков. Одна из самых сложных структур их эволюции – человеческий мозг. Пока это единственная известная нам структура, обладающая свойством, которое сам человек называет сознанием. Говоря об информации, мы, как мыслящие существа, априорно приписываем ей, что она, кроме принимаемых нами сигналов, имеет еще и какой-то *смысл*. Формируя в своем сознании модель окружающего мира как взаимосвязанную совокупность моделей его объектов и процессов, человек использует информацию в форме смысловых понятий. *Смысл* – это подразумеваемая нами сущность любого феномена, которая не совпадает с его содержанием и связывает его с более широким контекстом реальности. В человеческом обществе решающее значение приобретает не информация как таковая, а именно ее смысловое содержание. Способность человеческого мозга создавать смысловые понятия и связи между ними является основой сознания. Сознание определенно можно рассматривать как саморазвивающуюся *смысловую модель* окружающего мира.

В настоящее время не существует единого определения информации как научного термина. С точки зрения различных областей знания, данное понятие описывается своим специфическим набором признаков и используется в различных науках (информатике, кибернетике, биологии, физике и др.), при этом в каждой из них термин «информация» связан с различными системами понятий. Иными словами, он является *общенаучным* понятием.

Информационные процессы, происходящие в материальном мире, природе и человеческом обществе, изучаются (или, по крайней мере, учитываются) всеми научными дисциплинами. Возрастающая сложность задач научных исследований привела к необходимости привлечения к их решению больших коллективов ученых разных специальностей. Поэтому практически все рассматриваемые ниже теории являются междисциплинарными.

Исторически сложилось так, что исследованием непосредственно феномена информации занимаются две комплексные отрасли науки последнего поколения – кибернетика и информатика.

Кибернетика – это мультидисциплинарная отрасль науки, исследующая такие сверхсложные системы, как человеческое общество (социальная кибернетика), экономика (экономическая кибернетика), живой организм (биологическая кибернетика), человеческий мозг в многообразии его функций, включая проблематичный искусственный интеллект. Основоположник кибернетики Н. Винер писал об информации, что она «не материя и не энергия, информация – это информация». Но основное определение информации, которое он дал в своих книгах, следующее: информация – это обозначение содержания, полученное нами из внешнего мира в процессе нашей адаптации к нему. Эта мысль Винера содержит указание на объективный характер информации, то есть ее существование в природе независимо от сознания (восприятия) человека. Однако в окружающем мире множество состояний систем представляет собой информацию, но для человека они являются первичным кодом, или *кодом источника*. Таким образом, буквально каждая материальная система является источником информации.

Информатика, сформировавшаяся как наука в середине прошлого века, отделилась от кибернетики и занимается исследованиями в области способов получения, хранения, передачи и обработки (преобразования) семантической информации. Обе эти отрасли используют несколько основополагающих научных теорий. К ним относятся теория информации и ее разделы – *теория кодирования*, *теория алгоритмов* и *теория автоматов*.

Информатика – комплексная наука, включающая в себя описание и оценки методов извлечения, передачи, хранения и классификации информации. Носители информации рассматриваются как элементы абстрактного (математического) множества, а взаимодействия между ними – как способ расположения элементов в этом множестве. Такой подход дает возможность формально описать и исследовать код информации. В этих исследованиях применяются методы теории вероятностей, математической статистики, линейной алгебры, теории игр и других математических теорий. В 1928 г. основы этой теории заложил американский ученый Р. Хартли, который определил меру количества информации для некоторых задач связи. Позднее теория была существенно развита американским ученым К. Шенноном, российскими учеными А. Колмогоровым, В. Глушковым, польскими учеными Я. Лукасевичем, С. М. Мазуром и др.

Значительную роль в кибернетике и информатике играет теория алгоритмов. Впервые в истории они были разработаны известным ученым древности Аль-Хорезми в IX в. н. э. В его честь формализованные правила для достижения какой-либо цели называют алгоритмами (ранее употреблялся термин «алгорифм»). Предметом теории алгоритмов является нахождение методов построения и оценки эффективных (в том числе и универсальных) вычислительных и управляющих алгоритмов для обработки информации. Для обоснования таких методов теория алгоритмов использует обширный математический аппарат теории информации.

Современное научное понятие алгоритмов, как способов обработки информации, введено в работах пионеров информатики Э. Поста и А. Тьюринга в 20-х гг. XX в. (так называемая Машина Тьюринга). Большой вклад в развитие теории алгоритмов внесли русские ученые В. Глушков, А. Колмогоров, А. Марков (Нормальный алгоритм Маркова).

Достижения информатики и кибернетики не следует понимать в том смысле, что, как провозгласили позитивисты второго поколения – махисты начала XX в., «материя исчезла» в духе подмены материальных вещей и явлений некими информационными. Еще раз подчеркнем: информационность – это не материальность. Мы не можем назвать информацию материей уже потому, что последняя информативна, и в противном случае пришлось бы иметь дело с бессмысленным утверждением о материальности материи. Информационность мира (природы) является нематериальной предпосылкой существования и развития человека. Эта предпосылка связана с идеально-субъективными формами организации человеческих знаний и опыта, в основе чего лежат креативно-познавательные практики работы с информацией.

В какие же информационные отношения вступает человек? Ответ на этот вопрос зависит от возможных вариантов классификации данных отношений. Можно, например, исходить из того, что они, в первую очередь, связаны с реализацией материальных основ человеческого бытия. Материальная детерминанта жизни невозможна без детерминанты информационной, имея в виду, что все цели, намерения, принципы, условия и т. п. реализации материально-практической деятельности всегда (если не принимать во внимание девиантные поведения) обусловлены сознательной или подсознательной рекомбинацией (рефлексией) соответствующей информации. В данной связи вполне уместно напомнить известный тезис: кто владеет информацией, тот владеет миром. Но у человека есть не только материальная, но и духовная жизнь. Последняя также имеет информационные основания. Более того, в данной связи можно говорить еще и о различных вариантах соотношения

духовных и материальных начал. Проблема, таким образом, приобретает некую глобальность, поддающуюся анализу лишь в абстракции, в соответствии с определенной «расчлененностью» и условленностью.

Учитывая сказанное, будем исходить из того, что эти отношения (особенно в их пост-индустриальном измерении) могут быть охарактеризованы с точки зрения движения информации как продукта (результата, реальности и т. п.), создаваемого человеком. Информационная компонента окружающей человека действительности до определенного времени таким продуктом не является. Этот продукт создается человеком в процессе его отношений с реальным миром. В отличие от объективности, тождественной объективности мира, он (продукт) превращается в реальность, конструируемую сознанием человека. В конечном итоге, это наши знания о структуре и закономерностях окружающего бытия как выражение его информационной «нагруженности», или его информационной «конституции».

В буквальном смысле знания человека (личностные знания) информацией назвать нельзя. Если это и есть информация, то информация «для себя», и потенциальный информационный продукт «для нас», превращающийся в актуальный путем возможных способов передачи и объективирования с помощью различных материальных средств. Прослеживается аналогия между информационной сущностью природы и человека. И в том и в другом случае речь идет об информации «для себя», и в потенциальном плане – об информации «для нас». Изменения в природе, понимаемые как движение материи, есть изменения, целесообразно упорядоченные или, если говорить иначе, выполняемые в соответствии с заданными информационными основаниями. В качестве таких оснований выступает содержащаяся в природе (материи) информация «для себя», эволюционирующая вместе с эволюцией материального мира. Но природа раскрывает себя (если раскрывает), и мы узнаем о ее закономерностях (если, конечно, узнаем). Это вытекает из наших возможностей адекватного а) воссоздания человеческой информационности на основе информационности природной (заданной); б) сознательного (творческого) конструирования нового (по отношению к человеку, но не природе) информационного продукта на основе имеющейся информации; в) объективирования личностных знаний как превращения потенциального информационного продукта в актуальный.

Если оставить в стороне сложнейшую проблему информационных превращений на уровне объективных природных закономерностей, вырисовывается схема информационных отношений человека, включающая:

а) отношения с потенциальным информационным продуктом как отношения, в одном случае, с информационным потенциалом находящегося вне человека мира и закономерностей его бытия (субъект-объектные взаимодействия), в другом случае (и на этой основе) – с информационным потенциалом самого человека: субъект-субъектные связи и реконструкция личностных знаний (внутриличностные информационные превращения) на основе имеющейся информации «для себя»;

б) отношения с актуальным информационным продуктом – объективированными с помощью материальных носителей знаниями и данными, в одном случае, как их адекватное включение в систему личностных знаний, в другом – предварительное превращение в информационный продукт «для себя» с последующим творческим переосмыслением на уровне индивидуального сознания. К этой же группе отношений следует относить и обратные преобразования субъектно-потенциального информационного продукта в актуальный, то есть все процедуры, связанные с проблемами объективирования личностных знаний.

Каждый человек в той или иной мере вступает в данные отношения, которые по природе имеют субъектно-объектный характер, ибо существуют лишь постольку, поскольку существует сам человек. Результатом же этих отношений всегда выступает реальный информационный продукт, способный принимать не только субъективные, но и объективные

формы бытия. Как уже отмечалось, этот продукт имеет знаниевую сущность, ибо в своем субъективном выражении это непосредственно личностные знания субъекта, в объективном выражении – знания, опосредованные языковым формализмом и зафиксированные на различных материальных носителях. В последнем случае речь идет об информации в буквальном смысле как о явно формализованной и структурированной информации «для нас».

Каков *социокультурный смысл* информационных отношений в условиях современности? Какими бы символами ни маркировали себя общества («век Просвещения», «информационный век» и т. п.), интегральным критерием их реальности и исторической перспективы является культуротворческая способность к формированию и реализации *человеческого капитала*. В свою очередь, этот капитал всегда следует рассматривать в конкретно-историческом контексте. Применительно к нашей теме такой подход, в конечном счете, определяет, каков реальный смысл и ценность объективных оснований современных кибернетики и информатики. Их эпицентр – это сложнейшая проблематика «информация – коммуникация», понятая в *практико-гуманистическом* ключе.

Решающий парадокс этой проблематики заключается в том, что, говоря словами одного из представителей постмодерна, «мы находимся во вселенной, в которой становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла... Поскольку там, где, как мы полагаем, информация производит смысл, происходит обратное. Информация пожирает свои собственные содержания. Она пожирает коммуникацию и социальное» [40, с. 41–42].

В основании этой метаморфозы лежит посягательство на святая святых ранней модернизации – «трехзвенную машину» (машина-двигатель, машина-трансмиссия и машина, непосредственно взаимодействующая с предметом труда) и воплощенные в ней и обусловленные ею принципы. На определенном этапе эволюции системы «человек – машина» непосредственные, без промежуточных звеньев, связи между ними полностью исчерпали ресурс дальнейшего совершенствования и стали непреодолимым барьером не только для приумножения и качественного обновления человеческого капитала, но и вещного богатства. Даже в высокоэффективном конвейерном и полуавтоматическом производстве машина лимитирует человека, но и он – ее неограниченный прогресс.

С точки зрения потребности в восходящей эволюции человеческого капитала – это дегенерация и тупик. Кардинальный исход, казалось бы, найден в прорыве порочного круга «человек – машина». Исходный импульс задан *информационной революцией (ИР)*. Эта революция преодолевает непосредственную и жесткую связь человека с машиной, создает медиатора в виде информационно более эффективного и гибкого промежуточного звена – электронно-вычислительной машины (ЭВМ) и вначале означает революцию в способе *труда*. Но на наших глазах происходит трансформация и экспансия такого способа деятельности в масштабах всего *производства и управления*. Вместе с тем материальным субстратом ИР остается почти идеальная, но все же *машина*, в принципе способная бесконечно усиливать «разумный», поддающийся алгоритмизации, потенциал человека.

Тем не менее в технологических основах индустриального производства происходят существенные структурные сдвиги. Главный из них – несамодостаточность симбиоза машины и человека как внешних факторов, потребность в целостных и дистанционно управляемых коммуникационных *человеко-машинных* системах, перенос их центра тяжести с вещных компонентов на интеллектуальные взаимодействия, на производство информации как идущей на смену машине-вещи интеллектуальной *универсалии* производства человеческого капитала.

Культурно-цивилизационные последствия триумфального шествия информатизации широко представлены на разных уровнях, начиная с оценки небезызвестного Б. Гейтса. Он, к примеру, предсказывает, что «бизнес собирается изменяться больше в следующие десять лет, чем в последние пятьдесят», и «эти изменения произойдут в силу простой обезоружи-

вающей идеи – потока цифровой информации» [87]. Такая ориентация перерастает в обоснование концепта *«информационное общество»* как адекватной смыслообразующей парадигмы постижения современной социокультурной динамики.

Более того, этот термин, введенный в научный оборот в начале 1960-х гг. такими авторами, как М. Порат и Ё. Масуда, в 1990-х гг. рассматривается профессором социологии университета в Беркли М. Кастельсом как *ключевой* историософский концепт осмысления логоса эволюции современного социума. М. Кастельс пишет, что «сетевые информационные структуры одновременно выступают как ее универсалии – продукты и средства... Процессы преобразований, находящие свое выражение в идеальном типе сетевого общества, выходят за пределы социальных и технических... отношений: они глубоко вторгаются в сферы культуры и власти... Мы приблизились к созданию чисто культурной структуры социальных взаимодействий» [163, с. 494–495, 503, 505].

Казалось бы, в господстве информации находит свое разрешение извечная коллизия «натура – культура». Однако, в отличие от Б. Гейтса, М. Кастельс – не апологет «информационного общества». Оно для него «не конец истории», которая «завершилась счастливым примирением человечества с самим собой. На деле все обстоит совсем иначе: история только начинается... Речь идет о начале иного бытия, о приходе нового, информационного века, отмеченного самостоятельностью культуры по отношению к материальной основе нашего существования. Но вряд ли это может послужить поводом для большой радости, ибо, оказавшись в нашем мире наедине с самими собой, мы должны будем посмотреть на свое отражение в зеркале исторической реальности. То, что мы увидим, вряд ли нам понравится» [163, с. 505].

Креативность такого подхода все же снижается редукцией проблемы к дуальной оппозиции «натура – культура». В этой оппозиции остается неясным, *почему* глобальная информационная культура не дает повода для оптимизма, тем более – для ее оценки как «осевого», то есть смыслообразующего культурно-цивилизационного прорыва. Очевидно, ответ может быть найден путем рассмотрения противоречивого назначения информации в смысловой связке «культура – цивилизация» и производной от противоречий между ними, по определению З. Баумана, «вторичной варваризации».

В принципе информация изначально является одной из ипостасей Хаоса – неупорядоченным потоком лишенных смысла «следов», которые познаваемые объекты оставляют в сознании субъекта (не говоря уже о специальной проблеме искажающих эти «следы» технологических и операциональных «шумов»). Прибегая к образному выражению Аристотеля, отпечаток на воске может означать что угодно, если мы не знаем, что на нем – отпечаток перстня. Информация – «черный ящик» таких «следов» – кодов, условных знаков. Их декодирование предполагает предварительное знание установленных кодов и последующее оперирование ими для преобразования информационного хаоса в познавательный логос. Гипотетически – мы не находим «братьев» по космическому разуму потому что не знаем смысла посылаемых ими сигналов, и наоборот – находим их там, где их нет, поскольку нам доступны лишь *антропные смыслы* в мире. В этом ракурсе «знат – значит владеть информацией. Понимать – значит проникать за знания, сквозь информацию. Знание (информация) – это экран, который надо преодолеть, чтобы выйти к иному, сделать его своим. О-своить. О-владеть. Понимать – значит "владеть сутью". Большинство людей "знают, но не владеют"... Многие люди читают, чтобы не думать», – отмечал Дидро (цит. по: [187, с. 134]).

Тем не менее сегодня многомиллионные обитатели информационной паутины убеждены, что «читая», они не только думают, но и являются подлинными *властителями дум*. «Декларация независимости Киберпространства» гласит: «Наш мир – другой... (он) одновременно везде и нигде... Ваши правовые понятия собственности, выражения личности, передвижения и контекста к нам неприменимы... Этот способ правления воз-

никнет согласно условиям нашего, а не вашего мира» (см.: [<http://www-win.zhurnal.ru/I/deklare.htm>]).

Перед нами лишь по видимости информационный Вавилон, в котором «всяк сущий язык» дает себе имена. На самом деле содержание информационных потоков предварительно создается, символически интерпретируется и передается в определенном *смысловом* контексте. Решающая проблема – в его *направленности*, культуре обращения с информацией.

«Всемирная паутина», виртуальное киберпространство становятся ареной не только естественного культурного мессианизма, но и геополитического миссионерства и *экспансии*, которые заметно трансформируют современные социокультурные процессы. «Универсальные культурные стереотипы не отражают даже внешне действительные социокультурные, политические и экономические условия настоящего и исторического становления культуры стран, где эти информационные парадигмы теперь создаются и моделируются... Информационные культурные стереотипы, внешне основанные на демократических принципах... игнорируют и фундаментальные исторические корни и черты экономического развития отдельных стран» [329, с. 107, 109].

Такая экспансия напоминает предупреждение библейского Иосифа в известной литературной версии: «Всемогущество – это, если подумать, великий соблазн. Смотри на это как на пережиток хаоса!.. Тебе придется бороться с самим собой... как когда-то с другим» [217, с. 503, 561].

Таким образом, становится понятно, что информационная революция не является самодостаточной для объяснения ключевых тенденций современной социокультурной динамики. Более того, не пройдя адаптации культурно-цивилизационными смыслами, тотальная информатизация способна стать инструментом низведения общества к «вторичной варваризации». По Достоевскому, неограниченная свобода неизбежно ведет к неограниченному деспотизму.

1.2. Понятие социальной коммуникации

Информационный процесс имеет атрибутивный и универсальный характер, и он детерминируется «своим-другим» – социальной коммуникацией. Коммуникация – это *conditio sine qua non* (неисключаемое, неперенное условие) жизнедеятельности человека и порядка в обществе. Уместно изначально подчеркнуть, что если информация неограниченно долго предшествует социуму и трансформируется в нем благодаря ее осмыслению, то есть наделянию антропоморфными ценностями и смыслами, то коммуникация изначально возникает только со становлением социума и непреходяще характеризует все многообразие человеческих взаимосвязей. Об этом свидетельствует уже этимология понятия «коммуникация» (от лат. *communicatio*, что означает сообщение, передача, и от «*communicare*» – делать общим, беседовать, связывать, сообщать, передавать).

Социальные коммуникации можно определить как совокупность пространственно-временных условий, целей и технологий формирования и развития процессов взаимодействия субъектов. Любая социальная деятельность имеет свою пространственно-территориальную и временную протяженность, и на характер ее протекания влияют конкретные факторы экономического, политического, духовно-культурного и других состояний общества.

Наиболее характерными признаками необычности пространственно-временного континуума современной социальной коммуникации являются:

- существенное усиление разнообразия и интенсивности пространственно-темпоральных конфигураций процесса взаимодействия;
- ослабление или вовсе устранение пограничных барьеров;
- возможность виртуализации;
- демократичность («гибкость») социального устройства, экономических моделей, политики, идеологии, национально-государственных отношений и т. п.);
- эффект «мировой деревни» или «всемирной общины» и др.

В своем интегральном выражении данные характеристики обуславливают ситуацию взрывного взаимодействия пространства, времени и информации, что не может не влиять на структурные и содержательные особенности становления и развития современного коммуникационного процесса.

В XX в. сформировалась научная дисциплина, известная как *теория коммуникации*, наука о коммуникациях, коммуникационная наука и даже – коммуникология, коммуникативистика или коммуникатика, а в западноевропейском и американском наименованиях – *communication studies*, или просто – *communications*, а также метадискурс (Р. Крэйг) как процесс «коммуникации/взаимодействия/интеракции», понимаемый в качестве первоосновы для многообразных процессов жизни человека и общества, а также его результатов. Согласно Н. Луману, под коммуникацией следует понимать некое исторически-конкретное, протекающее, зависимое от контекста событие, специфическую операцию, характеризующую исключительно социальные системы перераспределения знания и незнания.

Исходя из своеобразных вех в развитии средств коммуникации, когда коренным образом изменялись методы передачи информации, ее объемы и качественные характеристики, можно выделить разные *вехи* или *этапы* в развитии социальной коммуникации. Таких вех было несколько: дописьменная первобытная культура, знаково-символическая культура, письменная культура, письменно-печатная культура, культура электронных средств социальной коммуникации. Кратко остановимся на каждом из перечисленных этапов, чтобы определить особенности их формирования и влияния на технологию социальной коммуникации.

Первый этап – первобытной дописьменной культуры – характеризуется, прежде всего, определенным устным способом передачи информации. Первоначально объемы передаваемой информации были минимальными, а средствами передачи информации служили непосредственно подручные человеку знаки (огонь, предметы обихода, собственное тело и т. д.), которые помогали обозначить свое отношение к конкретной ситуации, совершить совместные (коммуникационные) действия. Необходимость передачи все более сложных (информативных) сообщений, в связи с усложнением условий жизнедеятельности человека, привела к формированию речевой и далее – письменной культуры.

Следует отметить, что, несмотря на существование письма, сначала иероглифического, а потом – алфавитного, все древние традиционные культуры были по преимуществу устными. Расцвет устной культуры многие исследователи связывают с фактом передачи больших устных текстов, преимущественно эпического характера. На данном этапе характерна в целом сакрализация передаваемого устного текста. Например, в Древней Индии огромные тексты, которые считались данными богами, заучивались наизусть, и таким образом сохранялась преемственность культуры на протяжении многих тысяч лет. Образцом развития устной культуры может служить Античная Греция, в которой при условии существования письма доминирующую роль все же играли устные средства социальной коммуникации. Пиком их развития является риторика как искусство совершенной устной коммуникации, основанной на убеждении. Постепенно роль устной коммуникации меняется, и на первый план выходит письменность как возможность не только непосредственно обмениваться информацией, но и фиксировать ее, сохраняя и передавая информацию во времени и пространстве.

Письмо было *эпохальным прорывом* в развитии коммуникации. В истории развития письменности можно выделить два этапа. Первый – это развитие иероглифического письма, второй – появление алфавита. Иероглифическое письмо появилось в глубокой древности, примерно в 4-м тысячелетии до н. э. в Месопотамии. Первоначально оно носило фигуративный характер, непосредственно рисунком обозначая предмет. Такое письмо позволяло выразить прямой смысл передаваемой информации, так, например, рисунок птицы обозначал птицу и т. д. Уже в Древнем Египте иероглифическое письмо усложняется, позволяя передавать некоторые абстрактные высказывания, хотя, следует отметить, сохраняет преимущественно образный характер письменного языка. Такой язык был перегружен символами и был чрезвычайно труден для запоминания и использования.

В этом смысле изобретение шумерами алфавита значительно упростило способ передачи и записи информации. Древние шумеры стали использовать знаки не для передачи отдельных понятий, а для обозначения звуков языка, то есть происходит процесс сближения устного и письменного языков. Изучение алфавита не требовало колоссальных усилий по сравнению с иероглифическим письмом, письмо стало более активно использоваться в общественной жизни. Конечно, развитие письма было бы невозможным, если бы не развивались такие материальные средства передачи информации, как папирус, бумага и т. д., которые, в отличие от глиняных табличек, были более удобны в повседневном использовании. Письменные тексты становятся так называемой социальной памятью, позволяя сохранять и передавать знания, расширяя сферу их применения. По сравнению с Античной Грецией, культура Древнего Рима была уже по преимуществу письменной, так как письменность играла там одну из главных ролей в социальной коммуникации: взаимоотношения между людьми в социуме определялись письменными источниками, текстами, законами. Письменный текст более достоин доверия, как носитель «истинного знания», в отличие от устной речи, которая становится полем доминирования мнений, зачастую ложных. В письменной культуре впервые происходит процесс деперсонализации знания, знание о мире и человеке получает объективированное выражение. По мнению английского социолога Э. Геллнера,

изобретение письменности сравнимо по своему значению с происхождением государства. «По-видимому, – пишет он, – письменное слово входит в историю вместе с казначеем и сборщиком налогов: древнейшие письменные знаки свидетельствуют, прежде всего, о необходимости вести учет» [88, с. 37–38]. В. М. Межуев определяет письменность как язык цивилизованного человека в отличие от устного языка народов, находящихся на доцивилизационной стадии развития.

Распространению письменной культуры способствовало развитие технических средств передачи информации, революционным достижением которого стало изобретение печатного станка. С этого времени начинается так называемая *эпоха Гутенберга*. Она характеризуется принципиально новым уровнем развития технологий социальной коммуникации, когда различные средства коммуникации начинают использоваться совместно для получения оптимального результата в обеспечении коммуникативного процесса. Печатание приносит с собой возможность широкого тиражирования письменных текстов, процесс письменной коммуникации становится доступным большому количеству людей. Напечатанное знание потенциально общедоступно, что делает процесс социальной коммуникации качественно совершенно другим. «Большой скачок, – пишет Э. Тоффлер, – был сделан с изобретением письма, но и он проходил веками. Следующий большой скачок по направлению к приобретению знаний – изобретение в пятнадцатом веке Гутенбергом и другими печатания. До 1500 года, по наиболее оптимистичным подсчетам, в Европе издавалось около 1000 книг за год. Это означало, что потребуется целый век для создания библиотеки в 100 000 томов. Через четыре с половиной века, к 1950 г., этот уровень так возрос, что Европа выпустила 120 000 книг в год. Количество времени сократилось со столетия до десяти месяцев. К 1960 году, десятью годами позже, был сделан еще один рывок, и вековая работа требовала уже только семи с половиной месяцев. К середине 60-х годов мировое производство книг, включая Европу, достигло уровня 1000 книг в день» [352, с. 26].

Как считает Г. М. Маклюэн, описывая эту эпоху в своей книге «Галактика Гутенберга» [214], именно появление печатного станка спровоцировало появление нового типа человека – «индустриального» человека с его ориентацией на технический прогресс. Издание книг, кроме получения непосредственной экономической прибыли, приводило к тому, что новейшие идеи и научные исследования получали широкое распространение, способствуя секуляризации общественной жизни, становлению рационализма и светского просвещения, более динамическому развитию культуры.

С наступлением *эпохи электронной коммуникации* развитие коммуникативных средств и технологий пошло по пути диверсификации и интенсификации. Одновременно развиваются различные технические отрасли, приводя к совершенно новым техническим изобретениям, позволяющим значительно обогатить коммуникативные возможности человека, сделать коммуникацию более эффективной. В 1839 г. появляется фотография, так называемая дагеротипия, что позволяет «схватывать» и передавать визуальную информацию. Появление телеграфа позволило сократить во много раз время передачи информации с одной точки в другую. В 1877 г. Т. Эдисон впервые осуществил звукозапись, способствуя непосредственной фиксации речевого акта, а созданный и запатентованный в 1876 г. А. Беллом телефон позволил человеку забыть о пространственных ограничениях процесса коммуникации. Эту эпоху по праву называют эпохой первой технической революции в области массовой коммуникации: технические изобретения практически полностью изменили лицо культуры, являясь до сих пор ядром современной цивилизации, проходя по пути все большего усовершенствования.

В 1895 г. русский физик А. С. Попов изобрел устройство, которое теперь носит привычное название «*радио*», что позволило сделать канал передачи вербальной информации на тот момент предельно массовым. Многие стороны жизни стали принципиально открытыми,

появилась возможность транслировать артефакты музыкального и литературного искусства, делая их продуктами массового тиражирования. Именно по радио люди получали большое количество актуальной, «свежей» информации. Большинство политических деятелей того времени пользовались данным каналом для получения эффекта широкомасштабного воздействия на массы и распространения своих идей.

Отдельным этапом в развитии одновременно и средств коммуникации, и нового вида искусства послужил *кинематограф*, который постепенно начал вытеснять из культурной жизни театр, так как был не просто завораживающим техническим чудом, но и доступным массовым развлечением.

Коммуникация, как относительно самостоятельный объект социальных наук, выделилась в связи с развитием технико-технологических средств передачи информации, особенно радио в 20-х гг. XX в., позднее – с развитием техники и технологий в целом и телевидения и компьютеризации в частности, а в современных условиях – с развитием процессов глобализации и региональной интеграции.

Первая кафедра коммуникации была открыта в 1950-х гг. в США. Осмысление коммуникации развивалось, как минимум, по трем направлениям:

англо-американское, направленное на лингвистический анализ и «прояснение языкового опыта» (Л. Витгенштейн);

французское, не ограничивающееся языковой коммуникацией и включающее такие различные социальные проблемы коммуникации современного общества, как осмысление идеологии и власти, критика капитализма, постижение дискурса;

мультинациональная «философия диалога» (М. Бубер, Э. Левинас, М. Бахтин, Ф. Розенцвейг, Ф. Эбнер, О. Розеншток-Хюсси, В. С. Библер и др.).

Теория коммуникации развивается целым рядом наук. Среди них:

этнография изучает бытовые и культурологические особенности коммуникации как общения в этнических ареалах;

психология и психолингвистика рассматривают факторы, способствующие передаче и восприятию информации, процесс межличностной и массовой коммуникации, а также различные аспекты коммуницирующих субъектов – коммуникантов;

лингвистика вербальной коммуникации – нормативным и ненормативным употреблением слов и словосочетаний в речи – устной и письменной, диалогической и монологической и других ее типах;

паралингвистика рассматривает способы невербальной коммуникации – жесты, мимику и другие несловесные коммуникативные средства;

социолингвистика сосредоточена на социальной природе языка и особенностях его функционирования в различных сообществах, механизмах взаимодействия социальных и языковых факторов, обуславливающих контакты между представителями различных групп;

социология коммуникации изучает ее социальную структуру и в частности – функциональные особенности общения представителей различных социальных групп в процессе их взаимодействия и в результате воздействия на их отношение к социальным ценностям данного общества и социума в целом.

С точки зрения Д. П. Гавры, в теориях коммуникации можно выделить два основных подхода к ее пониманию:

процессуально-информационный подход, в рамках которого разработаны такие теоретические конструкты коммуникации, как модель Г. Лассуэлла, математическая модель коммуникации К. Шеннона и У. Уивера, социально-психологическая модель коммуникации Т. Ньюкомба, модель Дж. Гербнера, интегральная (обобщенная) модель коммуникации Б. Вестли и М. Маклина, трансакционная модель коммуникации представителя техасской школы коммуникации А. Тэна;

семиотический подход, акцентирующий внимание на знаках и знаковых системах, представлен структурно-лингвистическим направлением и концепцией знака Ф. де Соссюра, логико-философским направлением и моделью знаков Ч. Пирса, логической моделью знаков Г. Фреге, а также работами Ч. Морриса, Ч. Огдена и И. А. Ричардса.

Заметно растет влияние *системно-кибернетической* методологии. В ее рамках в науку о коммуникациях был сделан существенный вклад, в частности такими социологами, как Т. Парсонс и Н. Луман, кибернетиками Н. Винером (в том числе осмысление прямой и обратной связи), Х. фон Фёрстером (различение кибернетики первого и второго порядка). Важно учитывать и когнитивные теории коммуникации (Ч. Осгуд), влияние структурализма на осмысление коммуникации (К. Леви-Стросс), критический подход к коммуникации (марксизм, Франкфуртская школа), культурологическое направление (Р. Хоггарт, Р. Уильямс, С. Холл). В их рамках путем анализа дискурсов, действий и текстов, как несущих определенные идеологии, поддерживающих и укрепляющих власть одних социальных классов и групп над другими, рассматривается роль власти и насилия в коммуникационных процессах.

В теориях коммуникации различные авторы по-разному определяют понятие *коммуникативной личности*. На философском уровне сущности понятий «личность» и «коммуникативная личность» совпадают. Личность, как социокультурный субъект, социализированный индивид, не может существовать иначе, как коммуникативная личность, «человек общающийся».

Коммуникативная личность – одновременно человек, общавшийся в прошлом, – субъект и продукт предшествующей коммуникации, человек, общающийся реально, – в настоящем, и человек, общающийся потенциально, готовый к общению в будущем. В любой коммуникативной личности всегда присутствуют и неразрывно увязаны все эти три темпоральных среза – прошлая, настоящая и будущая/потенциальная коммуникация.

В коммуникациях *по средствам их осуществления* выделяются следующие основные виды: вербальная коммуникация; невербальная коммуникация или коммуникация, осуществляемая в паралингвистическом дискурсе: коммуникация с помощью знаков; коммуникация с помощью жестов; коммуникация с помощью символов; коммуникация с помощью других паралингвистических средств (например, мимики, поз и др.).

По субъектам коммуникации и типу отношений между ними принято выделять следующие ее виды:

межличностная коммуникация – вид личностно-ориентированного общения, связанный с обменом сообщениями и их интерпретацией двумя или более индивидами, вступившими в определенные отношения между собой; вид коммуникации в ситуации межличностных взаимодействий и/или отношений;

межгрупповая коммуникация – вид взаимодействия людей, детерминированный их принадлежностью к различным социальным группам и категориям населения, независимый от их межличностных связей и индивидуальных предпочтений;

публичная коммуникация – вид институционального (статусно-ориентированного) общения с публикой (значительным числом слушателей); сообщение в такой коммуникации затрагивает общественные интересы и приобретает публичный характер;

массовая коммуникация – процесс систематического распространения информации, носящий институциональный характер, а также передача специально подготовленных сообщений с помощью различных технических средств на численно большие, анонимные, рассредоточенные аудитории; является регулятором динамических процессов общественного сознания, интегратором массовых настроений, а также мощным средством воздействия на индивидуальность и группы.

Осмысление выбора определенной комбинации способов, форм и средств коммуникационного процесса лежит в основе понятия *технологии коммуникации*, претерпевшей к настоящему времени существенную трансформацию.

Проблема *типологии* социальной коммуникации также не обделена вниманием специалистов самых разных научных дисциплин. В самом общем виде выделяют типы коммуникаций: по форме использования языка – вербальная и невербальная; по степени охвата аудитории – коммуникация в малых группах, коммуникация внутри организации, массовая; по характеру взаимодействия – монолог, диалог, полилог; по области реализации – религиозная, политическая, музыкальная коммуникации и т. д.; по условию обращения – непосредственная и опосредованная; по характеру речевой ситуации – официальная, бытовая и т. д. В рамках данного исследования наиболее целесообразным видится рассмотрение двух первых типов.

Как уже было отмечено, по форме использования языка можно выделить вербальную (языковую) и невербальную коммуникации, которые являются естественными каналами передачи информации.

Вербальная коммуникация реализуется при употреблении слов, словесных выражений, использование которых упорядочено правилами, существующими в данном языке. Когда мы говорим о вербальной коммуникации, то имеем в виду, прежде всего, речевую коммуникацию. Речевая способность – одна из определяющих характеристик человека как разумного существа. Язык служит инструментом для передачи смысла и непосредственного содержания социальной коммуникации. Следует отметить, что речь может вестись о языке только в том случае, если можно выделить минимальную значимую единицу в структуре языка при условии существования набора этих единиц и правил, определяющих их системную организацию и условия перевода на любой другой язык.

Невербальная коммуникация представляет собой такой тип коммуникации, при котором коммуникативное сообщение сопряжено с передачей информации о характере, прежде всего – об эмоциональном состоянии взаимодействия общающихся. Данный тип коммуникации обычно дополняет вербальную коммуникацию, зачастую значительно влияя на понимание содержания сообщения, его смысла другим человеком. В процессе невербальной коммуникации человек получает информацию о личности коммуникатора, об отношении коммуникаторов друг к другу, а также об отношении к самой ситуации коммуникации. Необходимо отметить, что формы невербальной коммуникации являются первоначальным этапом в развитии коммуникационного акта, как в онтогенезе, так и в филогенезе. Сначала это выражается в произвольном выражении своего эмоционального состояния (крик, улыбка и т. д.), отношения к характеру коммуникативной ситуации, а затем возникает их сознательное употребление и возможность манипуляции невербальными формами коммуникации при передаче сообщений. Посредством невербальной коммуникации человек получает порядка 90 % информации, которая зачастую воспринимается им бессознательно.

Существуют различные формы невербальной коммуникации, среди которых можно выделить паралингвистическую коммуникацию, зрительную коммуникацию, коммуникацию посредством мимики и пантомимики (кинестезическая коммуникация), тактильную коммуникацию, проксемическую коммуникацию.

Паралингвистическая коммуникация является дополнительным средством для придания вербальной коммуникации большей выразительности и эмоциональной звуковой окраски. К данному типу коммуникации относятся комплекс неязыковых звуков (стон, крик, смех, сипение и т. д.) и такие различные признаки коммуникации, как высота и интенсивность звука, тембр речи, интонация, а также паузы, темп речи.

Говоря о *зрительной коммуникации*, следует отметить, что зачастую она является определяющим фактором нашего восприятия. Посредством зрения мы устанавливаем первич-

ный контакт с собеседником при непосредственном общении и далее можем влиять на характер протекания коммуникационного процесса. В данной форме коммуникации закрепились выражения, не относящиеся напрямую к свойствам человеческого взгляда, но образно выражающие эмоциональное либо оценочное отношение коммуникатора, его эмоциональные состояния, например холодный взгляд, злой, пронзающий, отсутствующий и т. д. Особенно сти проявления зрительной коммуникации свидетельствуют о характере отношений между людьми, например, в ситуации близкого доверительного общения коммуникаторы постоянно сохраняют зрительный контакт, тогда как в случае общения с малознакомым человеком визуальный контакт менее интенсивен.

Мимическая коммуникация часто дополняет другие виды коммуникации, выступая «универсальным языком», в общем понятным всем людям без исключения. Мимическая коммуникация раскрывается через различные выражения лица, которые являются своеобразными иллюстраторами нашего внутреннего эмоционального состояния. Зачастую многие мимические выражения возникают у человека бессознательно, являясь реакцией на коммуникативную ситуацию.

Пантомимическая, или кинестезическая, коммуникация имеет более сложный семантический характер, чем мимическая коммуникация. Дополняя вербальную коммуникацию посредством жестов, движений, положений тела, кинестезическая коммуникация может полностью заместить ее, в частности, в ситуации общения глухонемых. Более того, кинестезическая коммуникация в большей степени зависит от культурного контекста, в котором совершается коммуникативный акт, например, в одних культурах кивок головой имеет характер утверждения, в других – характер отрицания.

К своего рода «биологическим» видам коммуникации можно отнести *тактильную коммуникацию* (непроизвольная паралингвистическая также является основополагающей в процессах филогенеза и онтогенеза). Большую роль тактильная коммуникация играет в детском возрасте, так как именно через прикосновение передается отношение матери к ребенку и соответственно – отношение мира к ребенку. В более поздний период тактильная коммуникация скорее говорит о степени межличностных отношений либо выполняет символическую функцию при социальном взаимодействии, например рукопожатие, которое является знаком доверия, похлопывание по плечу как выражение поддержки и т. д.

Проксемическая коммуникация говорит об особенностях коммуникационного акта исходя из межличностной дистанции. Характер межличностной дистанции определяется личностными качествами коммуникаторов, отношениями между ними, культурными особенностями сообщества, в котором они находятся. Можно выделить четыре зоны, обуславливающие характер межличностной коммуникации, – интимная, личная, социальная и общественная. Нарушение границы той или иной зоны коммуникаторами может внести существенные изменения в процесс коммуникации либо полностью разрушить ее.

Таким образом, невербальная коммуникация является дополнительным источником информации, который в большинстве случаев активно воздействует на характер и весь ход вербальной коммуникации.

Реализация вербальных и невербальных видов коммуникации нередко зависит от степени ее охвата коммуникационным процессом. Очевидно, что невербальные формы могут проявляться более ярко при непосредственном межличностном общении, чем, например, в массовой коммуникации.

В зависимости от степени охвата аудитории коммуникация может разделяться на межличностную, коммуникацию в малых группах, коммуникацию внутри организации, массовую.

Межличностная коммуникация предполагает ситуацию непосредственного общения между коммуникаторами и, в свою очередь, делится на персональную или имперсональную.

Персональная коммуникация основана на уникальности каждого человека в ситуации коммуникации. Она обычно протекает между знакомыми людьми, которые обмениваются личными мнениями, взглядами, частными проблемами и т. д. *Имперсональная коммуникация* – это ситуация непосредственного общения между чаще всего незнакомыми индивидами для достижения конкретной практической цели. Такой характер носит, например, деловая коммуникация.

Коммуникация в малых группах возникает в конкретных референтных группах, к которым относится человек. Примером таких групп могут выступать класс, команда, группа, объединенная общим интересом. В большинстве случаев процесс общения рождается в процессе совместной деятельности, в данном случае успешная групповая коммуникация влияет на характер протекания совместного деятельностного процесса, так как реализует функции взаимопонимания и взаимоподдержки.

Коммуникация внутри организации является более общей формой групповой коммуникации и характеризуется общей стратегической целью, которую она реализует в сообществе. Данный тип коммуникации может проходить как на уровне социальных институтов, так и на уровне конкретных организаций, занимающихся той или иной деятельностью. Процесс коммуникации данного типа имеет, как правило, более опосредованный и формализованный характер.

Массовая коммуникация направлена на охват аудиторий большого количества людей. В большинстве случаев массовая коммуникация носит опосредованный характер. Она стала возможна только с появлением феномена массового общества, «человека-массы» (Х. Ортега-и-Гассет), а также развитием таких средств массовых коммуникаций, как радио, телевидение и т. д. Как один из подтипов массовой коммуникации можно выделить *публичную коммуникацию*, так как публика представляет собой массовое собрание людей, объединенных какой-то целью. Массовая коммуникация носит по преимуществу односторонний характер, хотя в случае публичной коммуникации мы можем наблюдать обратную связь, которая выражается, например, в реакции аудитории. Массовая коммуникация направлена на анонимного реципиента и обращается ко всем возможным коммуникаторам сразу. С развитием цивилизации роль массовой коммуникации все больше возрастает, так как современные электронные средства коммуникации позволяют существенно расширить границы коммуникативного процесса.

Данные средства сформировались сравнительно недавно и характеризуют собой совершенно новую стадию социальной эволюции, равно как и новые возможности, типы и формы социальной коммуникации. История же последней в контексте формирования средств коммуникации уходит в глубь веков человеческой цивилизации. Средства коммуникации значительно расширяют те коммуникативные возможности человека, которые изначально заложены в его природной сущности. История их возникновения фактически неотделима от возникновения элементарных потребностей в общении. Первые средства коммуникации мало напоминали современные. Постепенно развиваясь и становясь более технически совершенными, новые средства коммуникации привели к качественным трансформациям человеческой культуры и способов социальной организации.

Отмеченные фундаментальные сдвиги в практике и теории социальных коммуникативных процессов на порядок повысили интегративную роль *семиотики, или семиологии* (с древнегреч. – знак, признак), – науки, исследующей состояние естественных и искусственных языков, свойства знаков и знаковых систем. Согласно Ю. М. Лотману, под семиотикой понимается наука о коммуникативных системах и знаках, используемых в процессе общения.

В семиотике выделяются три основных аспекта изучения знака и знаковой системы:

синтаксис (синтактика) изучает внутренние свойства систем знаков безотносительно к интерпретации;

семантика рассматривает отношение знаков к обозначаемому;

прагматика исследует связь знаков с «адресатом», то есть проблемы интерпретации знаков теми, кто их использует, их полезности и ценности для интерпретатора.

Наиболее существенные результаты в междисциплинарном поле достигнуты в *семантике*. Предметом ее исследований является смысловое содержание информации. Знаковой считается система конкретных или абстрактных объектов (знаков, слов), с каждым из которых определенным образом сопоставлено некоторое значение. Таких сопоставлений может быть по меньшей мере два. Первый вид соответствия определяется непосредственно материальным объектом, которым обозначается слово, и оно называется «денотат» (или в некоторых работах – «номинат»). Второй вид соответствия определяет *смысл знака (слова)*, и он называется концептом. При этом исследуются такие свойства сопоставлений, как «смысл», «истинность», «определимость», «интерпретация» и др. Для исследований нередко используется аппарат математической логики и математической лингвистики.

Идеи семантики, намеченные еще Г. Лейбницем и Ф. де Соссюром, сформулировали и развили Ч. Пирс, Ч. Моррис, Р. Карнап и др. Их основным достижением стало создание аппарата семантического анализа, позволяющего представить смысл текста на естественном языке в виде записи на некотором формализованном семантическом (смысловом) языке. Семантический анализ является основой для создания устройств (программ) машинного перевода с одного естественного языка на другой.

Слово есть *символ символов*, соединяющий мыслящего человека с реальностью. Оно не дано сразу в непосредственном чувственном опыте, но постепенно и опосредованно извлекается из нее и предстает в формах искусственных знаков – значений сущностей вещей. Ф. Ницше писал об устойчивой иллюзии воспринимать слово как нечто само собой разумеющееся, «самое правильное, самое простое выражение», в котором «бытие хочет стать словом». В действительности – «сначала образы... Затем слова, отнесенные к образам. Наконец, понятия, возможные лишь когда существуют слова, – соединение многих образов в нечто невидимое, но слышимое (слово)». И лишь в конечном счете «мы мыслим... в форме речи» [265, с. 233, 241].

Многозначная роль языка изучается рядом наук. В семиотике выясняются не только природа и сущность, но и *функции* языка.

Информационная функция означает выработанный человечеством способ освоения, хранения, передачи и преобразования совокупности знаково-символических образов родовых и видовых свойств вещей и процессов, вовлеченных в мир человека, различных проявлений его чувственного и интеллектуального опыта.

Коммуникативная функция языка, в особенности письменность, обеспечивает деятельное и универсальное – непосредственное и опосредованное – общение между людьми. «Для того чтобы понимать друг друга... – писал Ф. Ницше, – надо еще обозначить теми же словами один и тот же вид внутренних переживаний, надо иметь с собеседником *общий опыт*» [263, с. 310]. Еще более возрастает роль языка в общении между народами. В этом ракурсе, например, по замечанию известного культурфилософа Н. И. Конрада, японцы – «жадные читатели и усердные переводчики». В контексте обострения проблемы государственного языка в ряде постсоветских стран поучителен опыт функционирования государственных языков в Бельгии, Швейцарии, Финляндии. Благой пример – и русско-белорусское двуязычие.

Кумулятивная функция языка заключается в его способности быть не только хранителем, но и накопителем информации о человеческом опыте. Динамичная пластика языка почти полностью замещает генетическую память, но главное – обеспечивает его способ-

ность опереться на совокупный социальный опыт и быть инструментом его обогащения. «Язык – это наследие, получаемое от предков, и оставляемое потомкам наследие, к которому нужно относиться... с уважением, как к чему-то священному», – отмечал Ф. Ницше [263, с. 324].

Роль письменности, как связующей нити между прошлыми, настоящими и будущими поколениями, убедительно продемонстрирована П. Сорокиным в мысленном опыте. «Представим на минуту, – писал он, – что во всех цивилизованных странах все графические обозначения – книги и так далее – были бы неожиданно уничтожены... Такое разрушение сокрушило бы нашу цивилизацию, превратив ее в реликт, подобный часам старых соборов, которые никто не может завести, потому что ключи потеряны» [343, с. 210].

Но истории известен обратный – и потрясающий – эффект: народы – творцы древнегреческого и латинского языков – канули в Лету, а их языки не только живут, но и остаются корневой системой современных европейских языков.

Коммуникативные функции языка проявляются в двух ипостасях – по «горизонтали» и «вертикали». В первом ракурсе язык служит средством согласования совместных действий людей на основе взаимопонимания относительно значимых для них феноменов и их символов. Другой, «вертикальный», ракурс – постоянное обозначение словом процесса руководства людьми. По словам американского историка А. Шлезингера, «привлечение широких масс на свою сторону требует от руководителя не только умения ставить цели, но и доводить их до современников. Язык связывает политику с реальностью» [409, с. 623].

Способность человека выполнять жизненно важные функции с помощью символично-знаковой системы, прежде всего языка, имеет универсальный характер. Символика жестов, танца, музыки, архитектуры также изначально и непреходяще обладает коммуникативным смыслом и потенциалом. Вербальный же язык не всегда велик, но нередко могуч своими *дисфункциональными* проявлениями: понятиями и суждениями – «перевертышами», то есть бессознательными ошибками или сознательной «подменой основания», выражением иллюзорных представлений человека о мире и о себе. Естественное следствие – деформации или даже разрыв коммуникации.

Дисфункции языка – результат действия неоднородных факторов. Их общий исток – преобладание процессов *дифференциации*, обособления человеческих общностей над их интеграцией. Этот феномен емко выражен в библейской притче о Вавилонской башне. По существу, язык – это средство не только интеграции, но и дезинтеграции народов.

Проблематичной остается роль *незрелости* общественно-исторической, в том числе духовной, практики в деформировании языка. К примеру, версия Земли «на трех китах», поиски «философского камня» или «флогистона». Свою лепту вносит и запечатлевающий эту незрелость консерватизм письменного слова. Сократ относился к письменному слову как к беззащитному, открытому для спекуляций и злоупотреблений. В отличие от устной речи, письменный текст не может постоять за себя. Но далеко не всегда может постоять за себя иная устная речь.

Насилие над языком – горький плод и социально-политических страстей. В особенности это относится к *эвфемизмам* – сознательно конструируемым словам-призракам, сущему проклятию чистоты языка. Они проявляются в деформациях функций языка как форма социальной магии, призванная скрыть эгоцентричные интересы. Например, «общество благоденствия», «либерализм», «мировая шахматная доска», «гуманитарная интервенция» и т. п.

Как полифункциональный «блеск» языка, так и «нищета» его многоликих дисфункций нередко ведут к представлениям о языке не как инструменте постижения или искажения реальности, а как о ее творце. Еще Цицерон заметил, что духовную жизнь античного мира «давно мучают споры о словах». Это споры о Слове как начале мира, его со-творении, смыслом и системообразующем центре упорядочения хаоса, символично-знакового выражения

его логоса. *Nomen est numen* (называть значит знать) – говорили римляне. Итогом стал феномен «сумасшедшего фортепиано», о котором писал французский просветитель Д. Дидро: оно возомнило, что само сочиняет музыку. Таким, по сути, сумасшествием было официальное приветствие последних римских императоров «Ваша вечность!», и это в то время, когда империю уже крушили так называемые «варвары». А как относиться к заявлению Н. Хрущева с трибуны ООН в адрес Запада: «Мы вас закопаем» или словам «Союз нерушимый...» из гимна позднего, уже уходящего с исторической сцены Советского Союза?

Все это и многое подобное – эдипов бунт сына против отца, попытка сына-языка поставить на колени отца – творящую язык практико-преобразующую деятельность человека. *Numen est nomen* (знать – значит называть). Поэтому называя современность такими «именами», как переход к «постиндустриальному», «информационному», «сетевому» и т. п. обществу, уместно поставить и предложить адекватную интерпретацию культурно-цивилизационных оснований этих объективных тенденций, выявить их корневую систему.

1.3. Культурно-цивилизационный контекст информационно-коммуникативных процессов

Благодаря информационному и коммуникативно-семиотическому *характеру* своей деятельности человек взаимосвязан с «первой» – космической, «второй» – социальной и «третьей» – аксиологической природой. Первая из этих связей – «человек – природа», вторая – «человек – человек» и третья – «человек символический».

Становление и развитие взаимодействия «человек – природа» обусловлено мощным импульсом динамики нашей планеты и объективно – ответом наших предтеч на вселенский вопрос «Быть или не быть?» в обретении ими в процессе эволюции способности перехода от адаптивного поведения к познанию сущностных связей окружающего мира, их имитации и реконструкции в *технологиях* (греч. *techne* – одновременно орудия и искусство их создания и совершенствования). Однако общественное производство по своей сути и значению выходит далеко за рамки организмического отношения «человек – природа». «Именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь», – отмечал К. Маркс [236, с. 94].

Объективно самоцелью этой деятельности является «богатый человек... нуждающийся во всей полноте человеческих проявлений жизни». «Богатый человек» – это творец *общественного богатства*. «Чем иным является общественное богатство, как не универсальностью потребностей и способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданных универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой "природы", так и над силами собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека без каких-либо предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительных к какому бы то ни было заранее установленному масштабу», – писал Маркс [233, с. 476].

Такая деятельность лишь внешне аналогична стадному или родовому образу жизни. Производство требует нового типа отношений «человек – человек» на основе формирования, получения, хранения, передачи (обмена) и переработки информации относительно общественных отношений. Родовую потребность в них эмоционально выразил Вольтер: «Пусть уж будет как будет, здесь моя цель – изучить человека, живущего в обществе. Не могу в нем жить, если существует общество вне нас» (цит. по: [136, с. 353]). Невозможность социальной робинзонады выявил Л. Фейербах: «Понятие человека непременно предполагает другого человека, или точнее – других людей, и только в этом отношении человек есть человек в полном смысле этого слова» [362, с. 190].

Термин *общество*, или *социум*, есть «обозначение согласия и принятия неких ценностей, но в то же время и сила, которая делает согласованное и принятое величественным. Общество оказывается такой силой потому, что, подобно самой природе, оно существовало задолго до нас и сохранится после того, как каждый из нас покинет этот мир» [51, с. 2]. Поэтому, согласно А. Камю, *если нет нас, нет и меня*. Но справедливо и обратное: *если нет меня, нет и нас*. Взаимосвязь «общество – субъект» – это проблема не «яйца или курицы» или, говоря на философском языке, первичности или вторичности. Меня нет без нас, но быть «наедине с собой» – это также необходимая предпосылка для самореализации в обществе и тем самым – реального приращения субъектом своих сущностных сил.

Таким образом, «вторая природа» человека заключается в общественном (социальном в широком смысле слова) характере *объект-субъектных* и *субъект-субъектных* информационных и коммуникативно-семиотических взаимосвязей его деятельности.

Однако эта характеристика была бы неполной без внимания к их ценностному измерению. *Аксиология* (от греч. *axio* – ценность) – это философское знание о человеческой деятельности с присущими ей значениями и ценностями. С того момента, когда мифическая Сфинкс вопрошала Эдипа, мы задаемся парадоксом: «Кто же здесь, собственно, задает нам вопросы? Что такое в нас самих стремится к истине?.. Мы спросили о ценности этого стремления... мы хотим истины: почему же не лжи?.. Проблема ценности истины предстала перед нами – или мы сами подошли к этой проблеме? Кто из нас здесь Эдип? Кто Сфинкс?» [263, с. 154].

Очевидно, «сфинкс» – тот внешний мир, с которым Эдип-человек связан не как с данностью, а как с требующей постоянного разрешения проблемой. Они неизменно имеют двусторонний характер: с одной стороны, субстрат потребностей, или объективно существующие свойства вещей, структур, процессов, а с другой – сознательно целеполагающее определение человеком их назначения для себя. Цели предшествует *оценка* вещей, осознание *значимости* их свойств для человека, которые в силу этого становятся *ценностью* для него. П. Сорокин писал, что «под значением» нужно понимать «все то, что для одного сознания... имеет значение и ценность, возвышающиеся над чисто физическими и биологическими свойствами соответствующих действий» [343, с. 191–192, 200].

Ценность не существует ни как самодостаточная «вещь в себе», ни как творение «из ничего» в сознании. Она всегда возникает в информационно-коммуникативных процессах, выражает их взаимосвязь и имеет объектно-субъектный характер. Отсюда потребность «связывать ценность данного поступка, данного характера, данной личности с намерением, с целью, ради которой действуют, поступают и живут» [343, с. 310]. Неизменно «центром является человек... все в этом мире приобретает смысл, значение и ценность в соотношении с человеком» [25, с. 509].

С точки зрения немецкого философа Г. Риккерта, первостепенен *человекотворческий* характер ценностей. «Как бы широко мы ни понимали эту противоположность (природы и культуры. – А. Л.), сущность ее всегда остается неизменной: во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком... В объектах культуры, таким образом, заложены ценности», – отмечал он [314, с. 53].

Ценности – это любые символически выраженные феномены (вещи, процессы, поступки), которые значимы для человека во взаимосвязи между их объективными свойствами и потенциальной, а в практической деятельности – реальной, способностью удовлетворять потребности человека, служить достижению желаемых целей. Поэтому, писал Ницше, «тот, кто вне ценностей культуры, подобен умирающему от жажды посреди моря» [263, с. 209].

Ценностно-ориентированный и практико-преобразующий характер человеческой деятельности предполагает особый способ духовного освоения мира и его феноменов – их символическое, знаковое и прежде всего вербальное обозначение. Э. Кассирер, автор «Философии символических форм», даже полагал, что суть человека – в его символической системе. Человек живет не столько в физической, сколько в символической Вселенной. Поэтому он не только мыслящее животное – *animal rationale*, но и *animal symbolicum*.

Рассмотренные в совокупности, эти особенности человеческой деятельности свидетельствуют о том, что она зиждется на фундаментальных *социокультурных основаниях*. Однако такой подход не избавляет от проблемы выяснения информационно-коммуникативной сущности культуры и других сопряженных с ней феноменов.

Уместно отметить сомнения на этот счет. Так, с позиций профессора Стокгольмского университета У. Ханнерца, автора книги «Культурная сложность», «само прилагательное "культурный" вполне могло бы стать приемлемым: оно не обожествляет культуру как суб-

станцию и лишь обращает внимание на одно из свойств, присущих вещам» [390, с. 112]. Существует и версия сугубо национальных границ коммуникаций «культура – цивилизация» как «целиком немецкой идеи». Утверждается, что во французской и английской традиции эти понятия не содержат глубоких различий. В качестве аргумента выдвигается этимологическая версия понятий «культура» и «цивилизация». В таком ракурсе, например, во французском языке, в отличие от немецкого и русского, нет четкого разграничения между понятиями *culture* и *civilization*.

Вместе с тем ясно, что версии культуры, как «прилагательного», и «фигура умолчания» о соотношении культуры и цивилизации или их различия в границах того или иного национального ареала – это результаты затруднений формально-семиотического, но не сущностного характера. В действительности эти понятия гораздо более емкого происхождения и смыслов, и в европейской традиции значима их точка опоры. Более того, эти смыслы закономерно актуализировались в контексте формирования информационного общества, которое не столько заново отвечает, сколько вопрошает: что есть современная цивилизация и культура, каковы вызовы и угрозы их трансформации в направлении общественного прогресса? Изначально ответить на эти судьбоносные вопросы – значит определиться с «природой вещей».

Камнем преткновения остается неопределенность «последних оснований» (Аристотель) исходных и базовых концептов культуры и цивилизации, их информационно-коммуникативных смыслов. В многоголосье представлений внятно слышен лейтмотив единых оснований и взаимосвязей, но все же различных смыслов культуры и цивилизации. Ницше писал об утраченном понятии «культура» и призывал к восстановлению этого понятия, «высшему пониманию культуры» [263, с. 374–375]. В этом же духе – глубокое замечание О. Шпенглера о том, что «одной из важнейших причин хаотической картины исторической внешности не была усмотрена истинная структура истории, было неумение взаимно отделить друг от друга проникающие комплексы форм культурного и цивилизационного существования» [410, с. 74].

В информационно-коммуникативной парадигме взаимосвязь и специфика этих комплексов сводятся к следующему:

1. Культура – *субъективированная, целе-ценностная* деятельность, а цивилизация – *объективированная, целе-функциональная* деятельность по производству общественного богатства. Они различаются как творящее и творимое, «культурная субъективность» (Гегель) и совокупность ее воплощений в социальной «материи» – вещах, структурах, формах, технологиях и т. п. – объективно существующих плодов творчества. «*Культура contra цивилизация*, – писал Ницше. – Высшие точки подъема культуры и цивилизации не совпадают... Цивилизация желает чего-то другого, чем культура... *От чего я предостерегаю?* От смешения средств цивилизации с культурой» [265, с. 97]. С точки зрения испанского мыслителя Х. Ортеги-и-Гассета, «жизнь идет с помощью техники, но не от техники... Цивилизация не дана нам готовой, сама себя не поддержит. Она искусственна и требует художника, мастера» [274, с. 148, 150].

2. Культура – деятельностный *процесс*, цивилизация – совокупность его *результатов*. Уже в средневековой мысли ясно различались *agir* – свободное упражнение человеческих сил *faire* – создание, фабрикование продуктов деятельности. По Шпенглеру, «энергия культурного человека направлена внутрь, энергия цивилизованного человека – на внешнее» [410, с. 77]. По Бердяеву, в культуре «заключены начала, которые неотвратимо влекут к цивилизации». Динамичное движение культуры влечет к выходу за ее пределы, и «на этих путях совершается переход от культуры к цивилизации» [34, с. 163, 165].

Вместе с тем цивилизация также не лишена динамики, но, в отличие от непрерывного культурного процесса (гераклитова «огня»), она имеет дискретный (прерывный) харак-

тер. «Чистая цивилизация, – отмечал О. Шпенглер, – как исторический процесс, представляет собой постепенную *разработку* (уступами, как в копиях) ставших неорганическими... форм» [410, с. 70]. Так, первый фордовский автомобиль – это культурная акция, а его нынешние супер-модели – лишь изощренные цивилизационные проекции. В принципе это относится и к компьютерам последних поколений.

3. Культура – это царство *свободы*, а цивилизация – царство *необходимости*. Сущность культуры в том, что она есть «развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе» [227, с. 356–357]. Это процесс «развития человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу» [227, с. 476].

4. Культура – это *продуктивность*, творчество, цивилизация же – *репродуктивность*, стереотип, стандарт. Творчество, писал Н. А. Бердяев, «не столько оформление в конечном, в творческом продукте, сколько раскрытие в бесконечность... под творчеством я... понимаю не создание культурных продуктов, а потрясение и подъем всего человеческого существа» [35, т. 2, с. 13]. Мыслитель воспринимал переход от культуры к цивилизационным «формам» как трагедию творчества, потому что движение культуры вглубь и ввысь проецируется на «плоскости» цивилизации. В этом есть большое и трагическое несоответствие между задачами и результатами творчества. По В. Розанову, «суть нашего времени, что оно все обращает в шаблон, схему и фразу... Из оглоблей никак не выскочишь». Чем же обусловлено торжество цивилизационного «шаблона»? Розанов отвечает так: «Техника... дала всемогущество. Но она же и раздавила. Получилась "техническая душа", без вдохновения и творчества» [316, с. 125].

5. По своей природе культура имеет *организмический*, а цивилизация – *организационный* характер. Н. А. Бердяев считал такое различие едва ли не основным в проблеме соотношения культуры и цивилизации, приводя следующие и, на наш взгляд, веские аргументы.

Организм рождается из природной жизни, и он сам рождает. Организация же не рождается и не рождает. Она создается активностью человека, хотя и не в высших формах. Организм рождается и остается целостным, в нем целое предшествует частям и присутствует в каждой части. Организм растет, саморазвивается. В организации же целое не предшествует частям и не присутствует в них, и поэтому он не может саморазвиваться. В организме есть имманентно присущая ему целесообразность. В организации – целесообразность совсем другого рода, она вкладывается в нее организатором извне. Так, часы действуют очень целесообразно, однако эта целесообразность не в них, а в создавшем и заведшем их человеке. Механизм в своей целесообразности зависит от организатора, но в нем есть инерция, которая может действовать на организатора и даже поработать его [35, т. 2, с. 305–306]. Заметим, что и компьютер – это не организм, а продукт сложной организации, и идеи его самодостаточности, а тем более самовоспроизводства и самосовершенствования пока относятся к области утопии.

Различение культуры и цивилизации, как организмических и организационных феноменов, прочно освоено современной гуманитарной мыслью. Британский мыслитель А. Н. Уайтхед утверждал, что «оппозиция механизма и организма предстает в контексте конкретных форм культурного мышления, современной образованности» [359, с. 133].

6. Для культуры характерна *национальная*, «почвенная», а для цивилизации – *интернациональная* природа (Н. Бердяев, О. Шпенглер). Такое принципиальное отличие обусловлено тем, что культура, как организмический процесс, непосредственно зависит от «место-развития» (М. Савицкий) или «культурного круга» (Л. Фробениус) деятельности конкретно-исторических субъектов. Нередко наблюдаемый перенос и усвоение иными субъектами, сформировавшимися на совершенно другой «почве», напоминает, по Ю. М. Лот-

ману, топливо, которое должно сгореть, чтобы воспламениться другим огнем. Но, как замечено, для того, чтобы достойно перевести творения А. Мицкевича, нужен А. Пушкин.

В противоположность этому организмическому процессу, цивилизация не имеет постоянной «прописки». Как результат репродуктивной деятельности, она вполне способна к тиражированию своих стереотипных форм (как говорят, компьютер – он и в Африке компьютер).

7. Устремленная к глубине и высоте, культура творит *сакральные*, «горные» ценности, она есть «скала ценностей» (Г. Померанц). В ориентации на них человек обретает высшие смыслы своего деятельного существования. Цивилизация же – это совокупность редуцированных ценностей, ориентация на усвоение утилитарных смыслов существования. В этом, не сводимом исключительно к теологическому, смысле «культура – религиозна по своей основе, цивилизация – безрелигиозна... Культура происходит от культа, она связана с культом предков, она невозможна без священных преданий» [410, с. 88].

В таком контексте *культура* предстает как «царство свободы», субъективированная и становящаяся, динамическая и ценностно ориентированная на высшие смыслы человеческая деятельность, процесс формирования и реализации творческих информационно-коммуникативных способностей человека, направленных на общественную добродетель. В отличие от культуры, *цивилизация* – это «царство необходимости», объективированная и относительно «ставшая», опредмеченная и кристаллизованная сторона человеческой деятельности, совокупность ее результатов, «застывшая культура». «Цивилизация, – писал В. Мирабо, – ничего не довершает для общества, если она не дает ему основы и формы добродетели» (цит. по: [31, с. 72]).

Взаимозависимость между культурой и цивилизацией – это самый сложный комплекс, и он предстает в трех основных формах.

Первая из этих форм – *генетическая*. Культура творит цивилизацию. Первую создает творческий субъект, но его замысел не полон, не завершен, пока не воплощен, не объективирован во второй. Культура проектирует и возводит Собор, а цивилизация определяет его использование. Культура стремится придать цивилизации направленность и смысл. Ф. Достоевский, отвечая тем, кто утверждал, что «стук телег, подвозящих хлеб человечеству, полезнее Сикстинской Мадонны», писал: «... в чем же великая мысль? – Ну, обратить камни в хлебы, вот великая мысль... Самая великая?.. Очень великая... но не самая; великая, но второстепенная... наестся человек и... тотчас скажет: "Ну вот я наелся, а теперь что делать?" Вопрос остается совершенно открытым» [123, с. 173].

Вторая форма взаимосвязи культуры и цивилизации – *структурно-функциональная*. Они являются разными сторонами человеческой деятельности как системы, и ни одна из них не мыслима без другой. Выдающийся немецкий экономист и мыслитель XIX в. Ф. Лист писал: «Устраните духовное начало, и все, что называется богатством, превращается лишь в мертвую материю. Что случилось с сокровищами Тира и Карфагена, с богатством венецианских дворцов, когда дух отлетел от этих каменных масс?»

Наконец, между цивилизацией и культурой возможна и, в конечном счете, наступает *дисфункциональная* (нарушающая нормальное выполнение информационно-коммуникативных функций) связь. В терминах психоанализа она определяется как феномен «любви-ненависти». Его экзистенциальный источник – это «амбивалентность чувств в настоящем смысле, то есть совпадение любви и ненависти в основе значительных культурных образований» [370, с. 346].

Почему столь противоречивы взаимосвязи цивилизации и культуры? В этих контрастах есть объективные основания. Достигнутые результаты информационно-коммуникативной деятельности, становясь стереотипными, шаблонными, имитацией, а не новацией, ведут к утрате смысла, «высоты» культурных ценностей, формируя иллюзию самодоста-

точности и комплекс самодовольства цивилизации. Она «перестает задавать вопросы себе самой», стремится подменить собой культуру, оставляя последней участь аутсайдера. Образ самодовольной цивилизации, которая молится на идола «полезности», показал Ф. Достоевский: «Тут просто работа, полезная обществу деятельность, которая стоит всякой другой, и уже гораздо выше, например, деятельности какого-нибудь Рафаэля или Пушкина, потому что полезнее! – И благороднее, благороднее... Все, что полезно человечеству, то и благородно! Я понимаю только одно слово *полезное*!» [123, с. 285].

В конечном счете, цивилизацию покидает «душа» культуры. Но что тогда остается? Что значит цивилизация без культуры? Такой социальный проект в конце концов порождает античеловеческие, антигуманные интенции, сродни высказываниям Геринга: «Когда я слышу слово "культура", я хватаюсь за пистолет». Тогда «напрашивается очевидная историческая параллель с варварами, некогда угрожавшими цивилизованной империи; вторым изданием варварства может стать продолжение империи самой цивилизации» [237, с. 515]. З. Бауман также опирается на термин «вторичная варваризация».

Только *примат культуры над цивилизацией* является гарантом гуманизма и духовности. И наоборот, самодостаточность цивилизации – это предпосылка ее кризиса, тупика, распада или катастрофы.

В таком контексте диалектика культуры и цивилизации не только пронизывает, но и определяет подлинно значимое в становлении, функционировании и динамике социума. Тем не менее этот вывод нередко сопряжен с нарушением *меры* его границ, объема и смысла, инициирует установку на абсолютизацию роли культуры как «нашего всего», покрывающего собой едва ли не все содержание феномена человека в мире и мира человека. К сожалению, даже Ф. Ницше – проницательный знаток диалектики культуры, цивилизации и варваризации – не избежал, по его словам, «опасности летящего» и дал повод для такого панкультурализма: «Вместо "общества" – *культурный комплекс* – как предмет моего главного интереса (как бы некоторое целое, соотносительное в своих частях» [265, с. 216]. Неоднозначность такого видения культуры в том, что она, в отличие от других форм человеческой деятельности, например экономики или политики, не имеет постоянной «прописки». Как заметил английский философ и культуролог Дж. Милтон, «именно наша культура в целом, а не просто ее часть, располагает нас внутри мира, делает его многозначительным для нас и направляет наши действия» [252, с. 54].

Означает ли такой подход установку на панкультурализм в объяснении любых социальных феноменов? К примеру, нелепо называть «культуризмом» совершенствование тела или кощунственно утверждать о «культуре войны». Эти и подобные им странности вызваны бессознательным или осознанным игнорированием общенаучного императива: «необходимо объективное определение, данное природой самого предмета» [221, с. 124], включая природу его отношений с другими «предметами».

В таком смысловом ключе классик структурализма К. Леви-Стросс обоснованно отмечал, что «провозглашает ли себя антропология "социальной" или "культурной", она всегда стремится к познанию человека в целом, но в одном случае отправной точкой в ее изучении служат его изделия, а в другом – его представления» [195, с. 317].

Не «вместо общества», а именно в обществе формируется и развивается культура. Человек *един как социокультурное* существо, и разными являются лишь аспекты его жизнедеятельности: «изделия» – это цивилизационные формы, структуры, а «представления» – мир ценностно-ориентированного творчества. Поэтому широко бытующее видение мира человека как покоящегося на двух «осях» (социальной и культурной) напоминает формулу-предупреждение Гегеля: «Только взаимодействие – пустота». Это не означает умаления роли социальной подсистемы, но, памятуя принцип У. Оккама об избегании удвоения сущностей, предполагает ее *производность* от культурно-цивилизационных оснований.

Предложенная выше интерпретация сущности культуры в современных условиях проходит испытание *информационной культурой*. Она возникла уже на заре уникального антропологического вида *homo sapiens* и сформировалась в древнейшем в его истории *архаическом* обществе. Это была наиболее примитивная, но все же культура бытия жестко локализованных, связанных кровно-родственными узами, микрокосмов людей, которые впервые осваивали информацию *опосредованно* – с помощью первых орудий труда, его разделения и кооперации в социальном общежитии, языка как «сигнала сигналов» совместной жизнедеятельности. Каждый ее артефакт – от первых захоронений – свидетельств возникновения культурной памяти до сложных ритуалов, запечатленных на наскальных рисунках, – свидетельствует о постепенном накоплении информационно-коммуникационного потенциала знания о творческом, активно-деятельностном отношении наших отдаленных предков к природе, друг к другу и самим себе.

Однако в этой исторически первой общности возникает и *информационная цивилизация* – материализация результатов деятельности в навыках и стереотипах обработки материала природы, способов общежития, еще до религиозных форм сознания – анимизма, тотемизма, магии.

Это была реальная, но еще крайне зыбкая, с нередкими возвратными тенденциями, информационная культура и цивилизация, обусловленная запредельными рисками простого выживания их субъектов.

С усложнением и дифференциацией связей и соответственно – информационных потоков человечество вступило в *традиционное* общество (в формационной терминологии – рабовладельческое и феодальное) с различной степенью социальной иерархии. Здесь информационные процессы во многом видоизменяются в сравнении с их архаическим состоянием. В экстенсивном аспекте они приобретают характер периодических коммуникаций *между региональными* общностями людей, требующих постижения новой информации.

Но главное для этого этапа эволюции общества в том, что информация дифференцируется по принципу «раб и свобода» (Гегель), табуируется как «тайное знание» (к примеру, секреты строителей гробниц или средневековых мастеров) и приобретает *сакральный* характер, доступный лишь привилегированным группам. В целом это было *консервативное* и охранительное знание. Нередко информация использовалась как инструмент *власти* и могущества. Так в романе Б. Пруста «Фараон» поступают жрецы, которые искусно организуют восстание рабов в известное только им время солнечного затмения. Таковым было и тайное знание стремящихся к влиянию и власти масонских «каменщиков».

Строительство городов, рост образованности значительных слоев населения, преимущественно связанных с ремеслом и торговлей, и особенно изобретение книгопечатания («гутенберговская революция») – все эти процессы положили начало грядущей «научной цивилизации» [350]: созданию новой научной картины мира (И. Ньютон, Н. Коперник и др.) и свершению замечательных географических открытий. По сути, речь шла еще не о «научной цивилизации», а об информационном прорыве по преимуществу в *научной культуре*, и ее теоретико-методологические и общенаучные основания были заложены Ф. Бэконом и Р. Декартом. «Знание – сила», – таков был их направленный против господствующей традиции информационно-коммуникативных связей девиз приоритета общества как «царства Разума».

Этот прорыв материализовался в «научной цивилизации» Нового времени – промышленной революции как практического основания процесса превращения науки в непосредственную производительную силу. Однако реализация принципов рациональности и редукционизма в силу технологических и социально-политических причин лимитировала творческий потенциал главной производительной силы – человека труда, существенно огра-

ничила его информационно-коммуникационный потенциал. Современное «царство Разума» осталось «незаконченным проектом» (см. предметно в разделе 2.1 монографии).

Специфика современной эпохи определяется прежде всего ее *переходным* характером. В этих условиях, с одной стороны, проект Модерна требует своего завершения в процессе своей модернизации (в том числе и реиндустриализации), а с другой – все более очевидны и убедительны объективные тенденции к формированию новых общественных укладов – постиндустриального и информационного общества. Эти тенденции выражаются в бурном технологическом прогрессе, во всеобщем росте образованности населения, демократизации общества.

Но в центре внимания общества – так называемый «*информационный взрыв*» – лавинообразное нарастание информационных потоков и вызванных глобализацией коммуникационных взаимосвязей. По всем признакам перед нами – триумф информационной цивилизации. На порядки возросший экстенсивный рост информации, вовлеченность в нее сотен миллионов людей действительно налицо, и настоящей проблемой становится формирование *информационной культуры* – творческой способности человека активно и оперативно работать с информацией в процессе своей профессиональной и повседневной жизни. Как отмечает В. С. Грехнев, «остро встает вопрос о культуре человека в обществе информации. Понятно, что основной пласт этой культуры человека будет составлять его информированность – владение самыми разнообразными знаниями и способность использовать их по назначению» [106, с. 89].

Необходимо отметить, что понятие информационной культуры до сих пор остается недостаточно разработанным и в связи с этим вызывает много вопросов. Являясь по своей сути понятием новым, оно должно необходимым образом сочетать в себе не только традиционное представление о работе человека с информацией, но и продуктивное освоение новых информационных технологий и средств коммуникации, интенсивным развитием которых по большей части и продиктована актуальность информационной культуры.

Понятие «информационная культура» предполагает, что человек не просто ориентируется в потоке информации, находя необходимые ему данные и используя их в своих целях. Иначе можно было бы остановиться на понятии «информационной грамотности», которое предполагает наличие основных приемов и навыков работы с информацией, с использованием таких технологических средств, как, например, компьютер. Понятие информационной культуры значительно шире и, прежде всего, означает общий уровень *компетентности*, выраженный в способности анализа, обработки информации, постановки целей и задач для адекватной ориентации в информационном пространстве. Необходимо «уметь различать главное и второстепенное в информации, обладать навыками ее классификации и систематизации, видеть внутренние связи различных ее фрагментов, научиться переводить визуальную информацию в вербальную или в любую другую знаковую и наоборот» [106, с. 90]. То есть необходимо обладать достаточными интеллектуальными и культурными способностями работы с информацией во избежание одномерного, узкого взгляда на стоящую перед человеком проблему, найти ее оптимальное решение, сформировать разумное и критическое отношение к экспоненциально возрастающему объему поступающей информации.

Е. А. Медведева определяет информационную культуру как «уровень знаний, позволяющий человеку свободно ориентироваться в информационном пространстве, участвовать в его формировании и способствовать информационному взаимодействию» [243, с. 59]. Понятно, что одним уровнем знаний в определении информационной культуры едва ли можно обойтись, как нельзя обойтись буквальным отождествлением понятий знания и культуры вообще. Информационная культура, естественно, предполагает наличие специальных и более широких знаний, необходимых человеку (прежде всего в профессиональном плане) как субъекту информационного процесса.

В качестве *факторов*, обуславливающих формирование информационной культуры общества, выступают следующие направления деятельности: развитие инноваций в сфере информационных технологий; внедрение и распространение информационных технологий для обеспечения успешного функционирования всех сфер общественной жизни; предоставление возможности использования информационных технологий и информации для развития каждого отдельного человека, принимая при этом во внимание такие меры защиты от негативных последствий, как стресс, информационная зависимость и т. д. То есть информационная культура предполагает обеспечение процесса информационного развития в целом и внедрение инновационных информационных и коммуникационных технологий – в частности, выстраивая при этом систему социальных отношений, способствующих полноценному развитию и реализации творческого потенциала личности.

Информационная культура предполагает включение в себя таких составляющих, как *методологическая* культура, которая определяет степень адекватности отражения действительности, умение видеть явления общественной жизни во всей их сложности и системности; *правовая* культура, регламентирующая деятельность субъектов информационной культуры, а также вопросы распространения и доступа к различным видам информации; *этическая* составляющая, а также *языковой* компонент, который являет собой форму репрезентации той или иной информации [281, с. 66–67].

Это означает, что информационная культура по своей сути является многоаспектным феноменом, требующим пристального внимания, так как затрагивает все принципиально важные сферы общественной жизни. Поэтому таким важным и актуальным становится вопрос целенаправленного формирования необходимого уровня информационной культуры, используя для этого все существующие в обществе институты, прежде всего образования и воспитания. Целенаправленное формирование информационной культуры общества, социальных групп, личностей может предотвратить те негативные последствия развития информационных технологий, с которыми уже сталкивается современный человек, а именно затруднения в адекватной ориентации в интенсивном потоке информации, ее некритическое восприятие, феномен компьютерной интернет-зависимости, негативное влияние технических средств на здоровье человека и др.

Разрабатываемая государством политика информатизации включает в себя задачи формирования информационной культуры, без которой сам процесс информатизации общества будет обречен. Информационная культура, являясь элементом общегосударственной политики, формируемая в русле общих культурных традиций, ценностей и перспективных идеалов общества, должна быть социализирована институтами образования и воспитания на уровне каждого конкретного индивида как реального субъекта становящегося информационного общества. Именно на этом уровне должны быть сформированы принципы отбора и освоения информации.

1.4. Информационные основания социальной коммуникации и общения

При анализе ключевых проблем развития современного общества внимание важно акцентировать на коммуникативной сущности информации как фундаментальном свойстве взаимодействия субъектов в социальном универсуме. Собственно говоря, именно этот феномен и определяет облик современной цивилизации и культуры, идет ли речь о глубинных связях на уровне социально-природных отношений, научно-технологическом и культурном развитии, общественно-политических процессах или о тенденциях в государственном строительстве и международной политике.

В разработках экспертов ЮНЕСКО коммуникация определяется как «подкатегория взаимодействия, даже более того, форма взаимодействия, которая имеет место благодаря использованию символов. В качестве таковых могут выступать жесты, рисунки, скульптурные изображения, слова, любые другие символические формы, стимулирующие поведение, которое не могло быть вызванным одним лишь символом при отсутствии особого условия – личности, которая отвечает» [293, с. 24].

Конечно, было бы упрощением проблемы измерять современное социально-коммуникационное пространство только «подкатегорией» личностного уровня процессов взаимодействия, равно как и интерпретировать информацию лишь в ее символическом значении, хотя последнее обстоятельство и является все более заметным в современных тенденциях символизации и виртуализации мира как существенных признаков информационной революции.

Отмеченные процессы являются следствием культурно-цивилизационных факторов *информационно-коммуникативной* практики человечества, когда объективный предметный мир, естественная среда репрезентируются информационно-символическими системами, наделенными определенными содержательно-смысловыми характеристиками в соответствии с принятыми в социально организованной среде традициями, нормами и ценностями.

Коммуникационный подход к анализу проблематики информационных оснований социодинамики предпринимался не единожды, в том числе и в рамках таких известных теорий, как структурный функционализм, теория эволюции, теория общественного конфликта, теория инструментализма.

Структурный функционализм (в принципе уже Платон, далее – О. Конт, Т. Парсонс, Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Б. Малиновский) основывается на том, что организация или структура общества обеспечивает его стабильность. В результате формы передачи информации и массовой коммуникации зависят от общества и способствуют его равновесию. Ведь еще Платон в свое время утверждал, что не общество создано для тебя, а ты – для общества.

Теория эволюции (Ч. Дарвин, Г. Спенсер) указывает на то, что общественные изменения происходят согласно законам природы, что системы массовых коммуникаций развиваются и совершенствуются с развитием технологий и с растущей необходимостью в них тех, кто принимает решения.

Теория общественного конфликта (Г. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс, Р. Дарендорф) исходит из того, что в обществе имеет место своего рода «коммуникационное противостояние» – борьба между группами с конкурирующими потребностями и целями.

Теория инструментализма (Ч. Х. Кули – окружающая среда и гены и Дж. Г. Мид – языковые символы в жизни общества и личности) полагает, что средства массовой информации предлагают изображение действительности, основанное на информации из ограниченного круга источников, поэтому общество и личность создают свой собственный образ действительности.

Воздав должное значительным успехам теорий коммуникации, следует все же отметить, что, в отличие от присловья о тех, кто «за деревьями не видит леса», в этих теориях интерес к «деревьям» сопряжен с их дифференциацией по разным основаниям, но упускается существенный компонент различий и взаимодействия двух основных подсистем современного социума – *государства и гражданского общества*, места и роли в нем процессов коммуникации и общения в контексте не только существующих индустриальных реалий, но и становления из них новых общественных укладов, которые характеризуются все более насыщенными формами информационно-коммуникативного взаимодействия.

Социокультурное пространство гражданского общества принято определять прежде всего как сферу *свободы личности*. Однако Христос и Спартак, Бруно и Достоевский, являясь признанными эталонами личностей, достигали свободы и в ситуациях, далеких от гражданского общества. Следовательно, это определение необходимое, но недостаточное.

Тем не менее с либерально-демократических позиций субъектом социальных коммуникаций является именно свободный индивид. «Какая идея является центральной в гражданском обществе? – вопрошает британский политолог Л. Зидентоп. – Это идея равенства в статусе... что создает, по крайней мере, потенциально, сферу личной свободы или выбора, сферу частной жизни... Убеждения и практика, ассоциирующаяся с государством, создают основу для отделения общественной сферы от частной, которая отныне определяется как сфера, где личный выбор может и должен определять действия человека» [131, с. 110–111].

Объективно такая редукция социальных взаимоотношений к формуле «индивид – общество» – это либо инфантильная наивность, либо небескорыстная мимикрия всемогущего Левиафана, которые неизбежно завершаются всеобщим и полным разоружением индивида.

Как известно, государство – это ядро, или несущая институциональная конструкция такой цивилизационной практики, как политика. В отличие от исторически объяснимой ленинской классовой интерпретации ее смысла, политика, согласно определению последователя Т. Парсонса, английского политолога Р. Бёрки, «предполагает выяснение смысла существования общности; определение общих интересов всех субъектов политики, то есть участников данной общности; выработку приемлемых для всех субъектов правил поведения; определение функций и ролей между субъектами и выработку правил, по которым субъекты самостоятельно распределяют роли и политические функции, наконец, создание общепринятого для всех субъектов языка (вербального и символического), способного обеспечить эффективное взаимодействие и взаимопонимание между всеми участниками данного сообщества» [435, р. 7].

В этом определении воедино сплавлено цивилизационное и культурное назначение политики, и в таком контексте можно определить по-веберовски *идеальную модель* соотношения государства и гражданского общества в триединстве выполняемых ими функций, в том числе коммуникативных:

Государство

1. Политическая организация, управление
2. Институт реализации общих интересов
3. Коммуникации

Гражданское общество

1. Неполитическая самоорганизация, самоуправление
2. Институт реализации частных интересов
3. Общение

По *первой* позиции принципиально важно выяснить, что государство – институт властной *политической* деятельности, а гражданское общество – *неполитической* деятельности. Гражданское общество – это прежде всего влияние и также власть, но основанные не на принудительной силе закона, а на спонтанной силе общественной *самодеятельности*.

По *второй* позиции государство и гражданское общество устойчиво различаются как носители *общих и частных* интересов. Начиная от Ж. Ж. Руссо, известно, что государственные интересы не являются суммой всех общественных интересов, а, скорее, их ядром, которое обеспечивает целостность, творит жизнеспособную нацию-государство.

Независимо от эпохи, персоналий и их мотивов, все согласны с тем, что установление баланса между общими интересами государства и частными интересами гражданского общества возможно лишь на основе *договора* между ними. Но если такая сторона соглашения, как государство, в принципе ясна, то *кто* реально вступает в него с другой стороны?

В этом аспекте обратим внимание на атрибутивный характер взаимоотношений «*индивид – социальные группы – общество*». Между индивидуальными и общественными интересами в зрелом обществе всегда есть *медиатор* – совокупность *групповых* интересов, и они требуют легитимации. Американский социолог Х. Дж. Берман отмечает, что «было бы ошибкой принимать американскую доктрину индивидуализма некритически. На практике она предполагает существование общества, в котором сложились прочные *промежуточные звенья* между личностью и государством, эффективность которых, в свою очередь, зависит от степени сотрудничества и взаимоподдержки людей, сильного коллективистского сознания. Мы не являемся нацией атомизированных индивидов, скорее – относительно тесно *взаимосвязанных общностей*, которым присуще понимание национального интереса и общности судьбы» [36, с. 36].

Такой подход – в русле объективной логики становления и развития субъектов и структур гражданского общества. В «открытом марксизме» Ж. П. Сартра развитие общества рассматривается как процесс перехода от неопределенных «серий» к «группам». Под «серией» Сартр понимал стихийно складывающуюся общность людей, в которой взаимодействие носит характер внешней, навязанной необходимости, «фальшивого единства». Здесь люди – агенты слепых сил – отчуждены друг от друга. В противоположность «серии», «группа» создается во имя того, чтобы «построить человеческое царство», то есть свободные взаимоотношения личностей. Группа характеризуется сознательно поставленной целью – ликвидацией отчуждения и освобождением через единство.

Надежное основание жизнеспособности таких групп – их *социальный капитал*, или совокупность творимых каждым индивидом разнообразных ценностей – от материальных до интеллектуальных.

Для избранного нами аспекта исследования особенно важна *третья* позиция – различение государства, как цивилизационной *коммуникации*, и гражданского общества, как культурного *общения*. Способность к общению и потребность в нем являются фундаментальной ценностью. Общение (непосредственное или опосредованное) по объему совпадает с социальными отношениями, или коммуникациями.

Однако между ними существуют и определенные различия. Одним из первых исследователей, кто обратил на них внимание, был Е. Д. Шарков. Он, в частности, писал: «Обычно всякий обмен информацией считается общением. Такое понимание делает смысл этого термина слишком широким: общение отождествляется вообще с деятельностью. Следует различать коммуникацию и общение. Первая относится к области передачи и приема информации. Вторая – к процессам самоорганизации. Всякая коммуникация – общение, но не каждое общение – коммуникация, то есть возможно существование ряда ситуаций, когда общение

индивидов протекает без коммуникативных связей. Тогда процесс представляет собой просто психическую деятельность, направленную на самое себя» (цит. по: [315, с. 45]).

В ракурсе соотношения государства и гражданского общества эти различия сводятся к следующему:

Коммуникация

универсальная;
объективная;
опосредованная;
анонимная;
безличностная;
относительно устойчивая;

Общение

локальное;
субъективное;
непосредственное;
персонифицированное;
личностное;
динамичное, ситуационное.

Термин «коммуникация» совсем недавно утратил свой изначальный этимологический смысл. В условиях *коммуникационной революции* «общий интерес» опосредуется многообразными структурами и технологиями. Они адресованы практически всем, являются анонимными, безличностными. Их устойчивое воспроизводство, «узнаваемость» обеспечивают стабильность социальных коммуникаций. В отличие от них общности или группы гражданского общества не претендуют на универсальность и ее всеобщую и жесткую принудительную силу. Ограничиваясь локальными рамками, они инициативно создают гибкую *сетевую* структуру общения. Связи между индивидами здесь, по Ясперсу, таковы, что каждое «Я» становится самим собой благодаря «обнаружению себя в другом» по преимуществу в непосредственных, динамичных и по преимуществу ситуационных контактах.

Почему это происходит? Для зрелого индивида-личности коммуникационное взаимодействие необходимо, но недостаточно. У него есть базовые потребности не только гражданина (субъекта государства), но и человека (субъекта общества). Немецкий социолог Ф. Теннис подразделял понятия «общество» и «общность». *Общество* – это холод урбанизма и жесткого рационального расчета, а *общность* – тепло очага, семья, община.

Общность – архетипический феномен, возникший задолго до государства и неотменимый им. Он замечательно выражен в древнеиндийском эпосе: «Однажды, как рассказывает Брахма ста путей, был спор между богами и демонами. Сказали демоны: "Кому же принести нам наши жертвы?" И они положили их – каждый в свой рот. Боги же положили жертвы друг другу в рот. И тогда Прадшапати, первичный дух, встал на сторону богов» (цит. по: [50, с. 332]). Именно в общности, эквивалентном обмене деятельностью – как процесса, так и его результатов – человек способен, по Канту, всегда усматривать в другом человеке самоцель и никогда – средство.

Диалектически понятое соотношение государства и гражданского общества является «своим-другим» проблемы *соотношения атрибутивного и функционального в информационном процессе*. Чаще всего они идут бок о бок. Эта мысль в ракурсе понимания человека, как социоприродного существа, подчеркивается Д. Чалмерсом, концепция которого критически проанализирована в одной из статей Д. И. Дубровского [125]. Известный западный философ, автор многих работ по проблеме сознания и мозга связывает информацию с количеством разнообразия, заключенного в некоторой физической системе и образующего определенное «информационное пространство» (информация воплощена в «пространстве различных физических состояний»), Чалмерс, в частности, пишет, что «информация (или, по крайней мере, некоторая информация) имеет два базисных аспекта – физический

и феноменальный аспект. Это положение имеет статус базисного принципа, который может лежать в основе объяснения, происхождения (emergence) субъективного опыта из физического процесса» (цит. по: [125, с. 93]). И далее уже следует, как нам кажется, указание на непосредственную связь атрибутивного и функционального подходов к пониманию информационных процессов. «Существует прямой изоморфизм, – отмечает Чалмерс, – между определенным физически воплощенным информационным пространством и определенным феноменальным (субъективно переживаемым) информационным пространством» (цит. по: [125, с. 93]).

В принципе, феноменальное информационное пространство невозможно вне его физического воплощения. Реальная человеческая жизнь – это пространство феноменальной (субъективно переживаемой) информации, возникающей и функционирующей в плоскости активизации вышеназванной объективной и субъективной информационной онтологии человека (внутреннее физически воплощенное информационное пространство человека) при его взаимодействии с внешним миром (внешним физически воплощенным информационным пространством). При этом следует различать субъективную информационную онтологию (эго-информационная система человека) как выкристаллизованный и зафиксированный в человеческой памяти опыт (знания) и субъективно переживаемую информацию как акт актуального (здесь и сейчас) декодирования внешних «блоков» информации в системе ментальных смыслов, продуцируемых объективной и субъективной информационной онтологией человека. Акты декодирования вполне могут быть объяснены используемыми Д. И. Дубровским понятиями «естественных» и «чуждых» кодов. Под «естественным» кодом понимается субъективная информационная онтология человека, его сформировавшийся и устоявшийся субъективный опыт, которому (чего не делает Дубровский) придается статус атрибутивной информации, способной в необходимых случаях выполнять и различные регулятивные функции, включая функцию декодирования. Собственно, в этом и заключается единство атрибутивного и функционального аспектов информации, необходимое на уровне сложных самоорганизующихся систем.

«Первые («естественные» коды. – А. Л.), – пишет Дубровский, – непосредственно "понятны" той самоорганизующейся системе, которой они адресованы; точнее, ей "понятна" информация, воплощенная в них (например, паттерны частотно-импульсного кода, идущие от определенных структур головного мозга к мышцам сердца, обычные слова родного языка для собеседника и т. д.). Информация "понятна" в том смысле, что не требует специальной операции декодирования. Лишь информация, воплощенная для данной самоорганизующейся системы в форме "естественного" кода, способна непосредственно выполнять в ней указанные выше функции.

В отличие от "естественного" кода, "чуждый" код непосредственно "не понятен" для самоорганизующейся системы, и она не может воспринять и использовать воплощенную в нем информацию. Для этого ей нужно произвести операцию декодирования. Но тут принципиально важно уточнить: что означает операция декодирования вообще? Поскольку информация всегда воплощена в кодовой форме и не существует иначе, операция декодирования может означать только одно: преобразование "чуждого" кода в "естественный"» [125, с. 95].

Предложенная модель предполагает принципиальную возможность такого преобразования при условии, что «чуждый», в силу внешней необходимости, цивилизационный код коммуникации (в данном случае – императивы государства) преобразуется в «естественный» код гражданского общества – потребности в общении как предпосылки реализации его назначения. Однако это требует если не гармоничного, то бесконфликтного соотношения «кодов» государства и гражданского общества.

С точки зрения П. Флоренского, «правильное решение» заключается в том, что «все то, что непосредственно относится к государству, как целому, как форме... должно быть

для отдельного лица или отдельной группы неприкосновенно и должно безусловно ими пониматься как условие индивидуального существования, как собственно *политика*, напротив, что составляет содержание жизни отдельной личности... то должно не просто допускаться государством как нечто не запрещенное, но, напротив, должно уважаться и обогащаться. Государство должно быть монолитным целым в своем основном строении, как и многообразно, богато пестротой различных интересов... различных подходов к жизни со стороны различных отдельных лиц и групп. Только этим богатством индивидуальных, групповых, массовых проявлений живет государство. Мудрость государственного разделения – не в истреблении тех или иных данностей и даже не в подавлении... а в умелом направлении, так чтобы своеобразие и противоречия давали в целом государственной жизни нужный эффект... Задача государства состоит не в том, чтобы возвестить формальное равенство всех его граждан, а в том, чтобы поставить каждого гражданина в подходящие условия, при которых он сумеет показать, на что он способен» [368, с. 453].

Исходя из относительной противоположности и вместе с тем взаимосвязи отмеченных функций государства и гражданского общества, можно констатировать, что между ними нет причинно-следственной связи. Они не выводимы друг из друга и связаны по принципу *дополнительности*. Государство и гражданское общество уместно ассоциировать с двумя полушариями головного мозга. Взяты отдельно, они лишь «серое вещество», но вместе они – мозг. Следовательно, рациональная стратегия заключается в их органическом *взаимодействии*. Государство должно быть чутким к потребностям и потенциалу гражданского общества, а последнее, в свою очередь, – следовать духу общественного договора с государством как политическим «полпредом» своих общих интересов.

Осознание (и тем более реализация) водораздела между государством и гражданским обществом – заведомо трудная задача, и ее непонимание, неискusstное исполнение или искушение заполнить вакуум, оставляемый той или иной стороной, приводит к драматическим последствиям. М. Вебер отмечал парадокс «стального панциря»: рациональная организация общества, которая мыслилась «тонким плащом, который можно ежеминутно сбросить», обернулась – по мере поглощения государством гражданского общества, стальным панцирем «всепоглощающей регламентации» [66, с. 289].

Вместе с тем американский социолог М. Кеннеди отмечает, что институты гражданского общества нельзя создать без вмешательства государства. Они могут быть созданы при условии реформаторских усилий, идущих как сверху, так и снизу, как со стороны власти, так и со стороны общества.

Особенно в *переходные периоды* зрелое гражданское общество способно выполнять роль не только тех «крепостей», которые ограждают социум от распада, но и способны неконформистски *обновить* самую государственность. Такое состояние, по мнению Р. Дарендорфа, всегда остается чем-то незавершенным, и это правильно, ибо его суть в открытости, в свободе.

Одним из методологических условий формирования и развития данной тенденции является *синергия атрибутивной и функциональной концепций информации*. При этом следует подчеркнуть, что, какие бы формы организации информации мы ни рассматривали, реальный социокультурный смысл и практическую социализацию они обретают в такой области человеческих взаимодействий, как *общение* между людьми.

Эта проблема не ограничивается взаимосвязью и вместе с тем необходимой дифференциацией между государством, как политической формой коммуникации с гражданским обществом, и последним как совокупностью зрелых форм неполитического общения. Речь идет об *универсальном* характере общения.

Потребность в общении относится к числу самых ранних специфических человеческих потребностей, наблюдающихся в равной мере как в фило-, так и в онтогенетическом

развитии человека. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что уже с первых дней жизни у маленьких детей возникает потребность в других людях. Вначале это проявляется в виде эмоциональных контактов, а затем развивается до уровня потребности в глубоко личностном общении и сотрудничестве со взрослыми. В дальнейшем эта потребность не угасает, приобретая характер непрерывности и устойчивости как необходимого условия жизнедеятельности человека. Естественно, способы, формы и уровень удовлетворения этой базовой потребности у каждого человека носят индивидуальный характер и зависят как от его личных качеств и особенностей, так и от условий социального бытия.

Вне информационного общения нет ни человека, ни его возможных коммуникаций. Даже в произведениях Достоевского, где диалог по преимуществу внесюжетен, он все же сюжетно подготовлен, особенно, в отношении своей формы. Но такой подход может говорить лишь о художественной специфике авторского приема. Реально же человеческие отношения, включая их коммуникационные срезы, информационно «нагружены», и иными они быть не могут.

Примечательно в этой связи высказывание академика А. И. Берга относительно того, «что человек может нормально мыслить длительное время только при условии непрерывающегося информационного общения с внешним миром. Полная информационная изоляция от внешнего мира – это начало безумия. Информационная, стимулирующая мышление связь с внешним миром также необходима, как пища и тепло, мало того – как наличие тех энергетических полей, в которых происходит вся жизнедеятельность людей на нашей планете» (цит. по: [284, с. 209]).

Учеными-психологами на экспериментальной основе показаны отрицательные последствия информационной изоляции человека. В одном эксперименте человека на некоторое время наглухо изолировали от внешнего мира, помещая его в термосурдобарокамеру. Он не видит, не слышит, не получает никакой информации извне. Значительная часть испытуемых, а это обычно здоровые, физически крепкие люди, раньше времени нажимают кнопку с просьбой прекратить эксперимент.

Аналогичным способом заканчиваются и другие подобные опыты. В числе трудностей, с которыми сталкивается человек в условиях изоляции, оказывается не только неудовлетворенная потребность в общении, но и невозможность его ориентировки во времени. Все это не только тяжело переживается человеком, но и приводит к различным психическим деформациям, к психопатологическим сдвигам, которые, однако, сравнительно легко устраняются после восстановления нормального общения человека с окружающим миром [284, с. 209].

Проблема общения стала привлекать внимание философов еще со времен Сократа. Уже тогда важнейшим результатом ее осмысления явилось понимание общения не только как необходимого условия развития человека, одного из источников его познания, но и как пути постижения новых знаний и открытия истины. Жизнь вне живого общения казалась бессмысленной и теряла свое предназначение. Свидетельством тому может служить вся диалогическая практика и философия Сократа.

Платон также всячески подчеркивал невозможность существования отдельного изолированного человека. Он указывал на то, что сам для себя человек несамодостаточен и потому стремится к общению. Понимая последнее как обмен мыслями между людьми, Платон в диалоге «Федр» не только указал на информационную природу общения, но и на его технологию в форме речи и письменности. Личные отношения, возникающие между индивидами в процессе общения, изображаются им как «разумные отношения взаимного использования» [291, с. 249].

Создателем первой общей схемы процессов общения можно назвать Аристотеля. В известной «Риторике» он писал, что для любого акта общения необходимы по крайней мере

три элемента: а) лицо, которое говорит; б) речь, которую это лицо произносит; в) лицо, которое эту речь слушает [16, с. 15]. Аристотелю принадлежит и указание на одну из важных форм общения – дружбу. Потребность и необходимость в общении выводится Аристотелем из идеи обособленности индивидов и наличия у них эгоистических интересов.

Следующий этап в осмыслении общения связан с Т. Гоббсом. Он существенно дополнил представления Платона и Аристотеля о роли языка и словесных понятий как инструмента общения. Основной движущей силой взаимодействия людей выступает, по мнению Гоббса, определенный уровень их самооценки и статуса.

Б. Спиноза, а затем и французские материалисты XVIII в. рассматривали общение как свойство человеческой природы. Мыслитель подчеркивал специфичность человеческого общения в связи с наличием у людей разума, способности рационально мыслить. К. Гельвеций и особенно П. Гольбах, не отрицая в целом рационалистических посылок общения, дальше детализировали проблему, обращаясь к понятиям разумных потребностей, пользы и интереса. В работе «Катехизис природы» П. Гольбах анализировал и отдельные формы общения. В частности, он подробно останавливается на дружбе и таких ее проявлениях, как верность, доверие, взаимопомощь, снисходительность и др. [101, с. 50]. В этой связи Гольбах в «Системе природы» подчеркнул очень важное условие общения – наличие некоторого предпосылочного знания, известного его участникам. То есть, прежде чем вступать в общение, люди должны обладать необходимым минимумом понятных им значений, в которые вкладывается тождественный смысл.

Важные суждения по проблеме общения высказывались и представителями просветительства, особенно в связи с их подходом к пониманию общества. Так, Ж. Ж. Руссо, будучи сторонником теории общественного договора, указывал на дружбу и гармонию как необходимые принципы взаимоотношения людей. Ш. Фурье, к примеру, считал, что люди стремятся друг к другу по законам притяжения и отталкивания страстей. При этом он считал, что одни страсти порождаются стремлением к роскоши («люксизм»), другие лежат в сфере духовных потребностей и стремления к общению («группизм»). В последнем случае определяющими выступают такие качества, как дружба, любовь, семейное чувство, честолюбие. Именно они способны вырвать человека из состояния индивидуализма, создать привязанность к другим людям и к общению [381, с. 115–116].

Ряд новых аспектов в понимание сущности общения внес Г. Гегель. Он фактически предложил общесоциологический закон общения и обособления личности в обществе. В «Феноменологии духа» философ отмечал, что индивидуальность, «как единичное сущее явление», противоречит тому, что сущность этой индивидуальности есть все же «всеобщность духа» [82, с. 163].

Л. Фейербах обратил внимание на то, что в общении и через общение проявляется сущность человека. «Отдельный человек, – писал он, – как нечто обособленное, не заключает человеческой сущности в себе ни как в существе моральном, ни как в мыслящем. Человеческая сущность налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты» [362, с. 203]. Мыслитель сводил многообразную структуру человеческих отношений к отношениям «Я» и «Ты», а вместе с тем и сущность человека – к его родовой принадлежности. Именно за это основатели марксизма критиковали Фейербаха: человеческая сущность у него (Фейербаха) «может рассматриваться только как "род", как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов только природными узами» [221, с. 36–37].

Конечно, сущность человека не может быть отделена от условий его социального становления и развития, в первую очередь – от труда (орудий труда) и социального общения. Именно в этой связи Ф. Энгельс писал о роли труда в процессе формирования человека, а К. Маркс охарактеризовал сущность человека как совокупность общественных отношений.

«И в предмете, и в орудии, – отмечает Т. Б. Длугач, – содержится устремление на *другого* человека: когда я делаю тот же топор, я предназначаю его для другого человека, когда я употребляю какое-либо орудие, происходит то же самое. Когда я раздваиваюсь в акте труда, это означает, что я общаюсь с собой как с *другим*. Таким образом, речь идет о *внутреннем* общении, только оно есть условие *внешнего*» [120, с. 19].

Именно на внешнем общении и акцентируют внимание К. Маркс и Ф. Энгельс, хотя в соответствии с их подходом «индивид есть общественное существо. Поэтому *всякое* проявление его жизни, даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими проявлениями его жизни, – является проявлением и утверждением общественной жизни. Индивидуальная и родовая жизнь человека не являются чем-то различным, хотя по необходимости способ существования индивидуальной жизни бывает либо более *особенным*, либо более *всеобщим* проявлением родовой жизни, а родовая жизнь бывает либо более *особенной*, либо более *всеобщей* индивидуальной жизнью» [221, с. 36–37]. В «Немецкой идеологии» показано, что общение с самого начала вплетается в процесс деятельности. Коль скоро человек изначально есть самоустраемленное, двойственное существо, он с самого начала есть социальное, общественное существо.

Тем не менее, говоря о природе человеческой коммуникации и связывая с ней первейшую и необходимую потребность общения, правомерно, на наш взгляд, выделять и первоначальные биолого-родовые факторы, абстрагируясь в определенном смысле от условий и процессов социализации личности. Именно в таком контексте мы обратились к цитате Л. Фейербаха, понимая при этом ее критическое восприятие К. Марксом.

Понятие коммуникации длительное время считалось и сегодня, пожалуй, считается одним из основных понятий *социальной психологии*. При этом его разработка осуществляется, в основном, в связи с исследованием различных сторон такой важнейшей составляющей коммуникативного процесса, какой является общение. В психологической литературе существует ряд подходов к его пониманию. Весьма распространено представление об общении как информационном процессе, который заключается в необходимости поддержания межиндивидуальной связи. В данном случае можно говорить об общении как коммуникативном процессе или просто как о коммуникации. Такова, например, точка зрения американского социального психолога Ч. Освуда, который понимает под общением отдельные акты передачи и приема информации (см.: [14]).

Еще более распространенной является точка зрения, согласно которой общение представляет собой двусторонний процесс коммуникации и интеракции, то есть взаимодействия. Здесь, однако, возможны варианты, в зависимости от того, как трактуются эти понятия. Например, коммуникация может быть рассмотрена как момент интеракции, как способ взаимодействия людей, облегчающий координацию их усилий и процесс приспособления друг к другу. Такой позиции придерживается английский психолог М. Аргайл, который характеризует процесс интеракции через различные виды контактов, где наряду с возможными телесными контактами людей, находящихся в процессе физического взаимодействия и пространственного перемещения, существуют и информационные связи в вербальной и невербальной форме (см.: [14]).

Схожего мнения по вопросу соотношения коммуникации и интеракции придерживается и американский психолог Т. Шибутани. Он рассматривает коммуникацию как деятельность по взаимной координации и адаптации поведения индивидов, участвующих в общении. По его мнению, коммуникация – это прежде всего способ деятельности, направленный на облегчение приспособления людей. Различные движения, жесты и звуки и т. п. становятся коммуникативными именно в ситуациях взаимодействия. Уточняя далее понятие коммуникации, Т. Шибутани рассматривает его как такую взаимодейтельность, в процессе которой

обеспечивается кооперативная помощь и координация действий большой сложности (см.: [284, с. 175–177]).

Концептуальные разработки проблемы общения связаны с трудами В. М. Бехтерева, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Б. Г. Ананьева, М. М. Бахтина, В. Н. Мясищева и других исследователей, которые рассматривали общение как необходимое условие психического развития человека, его индивидуализации и социализации. К примеру, в работах Л. С. Выготского общение характеризуется как процесс передачи мыслей и переживаний [75, с. 51]. Аналогичного мнения придерживается и С. Л. Рубинштейн, который рассматривал общение под углом взаимопонимания людьми друг друга [324, с. 110]. Согласно В. Н. Мясищеву, общение не является чисто внешним взаимодействием, но определяется личными отношениями между участниками, то есть его содержание, формы и интенсивность зависят от отношений между субъектами общения. При этом он выделяет три возможных класса отношений: отношение к миру, к другим людям, к себе [257].

Б. Г. Ананьев придерживается точки зрения, согласно которой на любом уровне сложности поведения личности существует взаимозависимость между информацией о людях в межличностных отношениях, коммуникацией и саморегуляцией поступков человека в процессе общения [12]. То есть коммуникация в данном случае определяется, с одной стороны, уровнем знания людьми друг друга, а с другой стороны – способностью их самоконтроля.

Как видим, категория общения определенно выявляет свой *междисциплинарный* характер, его понимание как *деятельности*. Выше мы уже подчеркнули точку зрения М. Аргайла относительно интеракции общения и взгляд Т. Шибутани на коммуникацию (общение) как деятельность. Традиции деятельностного подхода обусловили распространенность точки зрения, согласно которой общение рассматривается как один из видов деятельности, ее сторона или специфическая форма. Взгляды, которые не соответствовали данным представлениям, интерпретировались как сужение понятия деятельности, и таким образом умалялось значение факторов, не относящихся по своим основным характеристикам к предметной деятельности, но тем не менее способных оказывать на психику человека и его развитие в целом сильнейшее влияние.

Данная точка зрения развивается в трудах Б. Г. Ананьева, Г. М. Андреевой, А. А. Бодалева, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова и др. «Если под деятельностью, – пишет известный психолог А. А. Бодалев, – разуместь активность человека, направленную на достижение определенных осознаваемых им целей с помощью усвоенных им в обществе, в котором он живет, способов и стимулируемую столь же определенными мотивами, то деятельностью будут не только игра, учение, производственный и бытовой труд, не только работа хирурга или художника-живописца, но и взаимодействие людей друг с другом в форме общения» [39, с. 89]. Другими словами, А. А. Бодалев не считает оправданным сужение понятия деятельности лишь до ее предметной части, ибо в содержательно-типовом отношении оно способно характеризовать и коммуникативные процессы, то есть процессы общения.

Вместе с тем существуют и противоположные взгляды, когда общение и деятельность рассматриваются как две самостоятельные формы социальной активности. С этой точки зрения деятельность – это преимущественно активное взаимодействие с окружающей действительностью, в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности. Общение же представляет собой отношения субъект-субъектного характера, где каждая из сторон приносит активное деятельностное начало, что в итоге может дать принципиально новое качество. Кроме этого, указывается на специфику структуры, функций, средств общения, которая едва ли может быть отражена системой понятий, разработанной в теории деятельности. В связи с этим В. А. Кольцова, к примеру, пишет, что «в реальной жизнедеятельности человека общение и деятельность как специфические формы социальной активности выступают

в единстве, связаны друг с другом, но в определенной ситуации могут быть реализованы и независимо одна от другой. Более того, установлено, что человечески первичной, исходной формой индивидуальной активности является именно общение, возникающее в онтогенезе прежде, чем человек осваивает предметно-практическую деятельность. Это подтверждает вывод о деятельности и общении как относительно самостоятельных видах взаимодействия человека с миром» [170, с. 14].

В. А. Кольцова, несомненно, права, когда говорит о единстве общения и деятельности в реальной человеческой жизни, утверждает о первичности общения как исходной формы индивидуальной активности. Однако далее с ней трудно согласиться, особенно когда речь идет о деятельности и общении как относительно самостоятельных видах взаимодействия человека с миром. Представляется, что в этом случае понятие деятельности рассматривается несколько абстрактно, вне ее связи с реальными процессами активности человека. Деятельность всегда имеет содержательный смысл и сопряжена с наличием, по меньшей мере, такой определенности, как ответ на вопрос: «Каким субъектом и в отношении чего она выполняется?»

Общение имеет ярко выраженную деятельностную природу. Даже если рассматривать его не только как способ взаимодействия с миром, а как «чистые» субъект-субъектные отношения, то и в этом случае явно видны активные деятельностные начала. «Характеризуя общение как особый вид деятельности, – пишет А. А. Бодалев, – необходимо также видеть, что без него не может происходить полноценное развитие человека и как личности, и как субъекта деятельности, и как индивидуальности. Если процесс этого развития рассматривать не односторонне и оценивать его реально, то сразу окажется, что предметная деятельность человека во всех ее модификациях и его общение... переплетены в его жизни самым тесным образом и фактически ни одна из них не может существовать без другой» [39, с. 89–90].

Иначе говоря, общение в контексте коммуникативного процесса обнаруживает свои деятельностные начала.

1.5. Субъект-субъектные коммуникации: актуализация гнозиса, культурно-цивилизационное измерение

Общение является важнейшей предпосылкой реализации самых разнообразных социальных действий и ожиданий. Исключительно велика его роль в познании, что в принципе и является источником поступления новой информации. Познание и его производная – информация и знания выступают основой коммуникации, определяют ее сущность и влияют на нее. «Открывая в познаваемом объекте нечто существенно новое, – пишут А. В. Брушлинский и В. А. Поликарпов, – субъект обращает это последнее в предмет специальной рефлексии и коммуникации в целях доказательства самому себе и другим истинности, существенности, новизны и общественной значимости сделанного открытия (в частности, путем использования уже накопленных человечеством знаний и сопоставления с ними нового знания). В таком смысле всякое познание объекта субъектом есть одновременно общение с другими субъектами. Оно просто невозможно без такого общения, выступающего в бесконечно многообразных конкретных формах. При этом, однако, часто недостаточно учитывается, что основное гносеологическое отношение есть отношение между познающим субъектом и познаваемым объектом (даже если в качестве последнего выступает тоже субъект), и потому в ходе познавательной... деятельности именно общение подчиняется познанию и служит его целям, а не наоборот» [49, с. 69].

В целом соглашаясь с данным суждением, следует все же отметить спорность вопроса относительно того, кто кому «служит»: общение познанию или познание общению. Категоричность цитируемых авторов основывается на достаточно распространенном опыте коммуникативного решения различных познавательных задач, когда, к примеру, процесс диалога двух познающих субъектов определяется целями познания и служит им. Но эта, по сути непротиворечивая, посылка нисколько не отрицает возможности другой, основанной на активности диалога в осознанном выборе познавательной задачи и достижении ее решения.

Таким образом, вряд ли имеет смысл говорить о строгой подчиненности или некой принципиальной субординации диалога и познания, кроме как в случае, когда специально выясняется способ выделения определенной информационной компоненты коммуникации. Если учесть, что коммуникация строится именно на такой основе и этим определяется ее предметность и содержательность, а также учитывая неразрывную связь познавательного и информационного процессов, то только в контексте таких зависимостей можно говорить о возможной подчиненности общения познанию.

Социальную коммуникацию можно представить как отношение по меньшей мере двух субъектов. Между тем в этом отношении всегда присутствует элемент, который, собственно, и делает отношение отношением. Таким элементом является, с одной стороны, источник информации как коммуникативная основа, а с другой стороны – сама информация как реальная предпосылка отношений. И то и другое, по существу, выступает объектом коммуникативного события.

Вообще же во всех этих отношениях действительно принципиальным является не наличие или отсутствие отмеченной выше дискуссионности в понимании взаимосвязи общения и познания, а признание информационной основы коммуникативного процесса. Это обстоятельство, с одной стороны, и разработка самостоятельной теории информации, с другой, явились причиной возникновения так называемой информационной модели коммуникации. Коммуникация в данном случае может быть рассмотрена как процесс, с помощью которого закодированные источником (отправителем) сообщения передаются по каналу связи в назначенный пункт (получателю), где происходит их декодирование. В терминах этой модели общение может рассматриваться как ситуация, в которой два или более человека

выступают как отправитель и получатель. Подобные коммуникативные отношения основываются на передаче информации от отправителя к получателю.

Своего рода «рокировку» субъект-субъектных отношений в субъект-объектные, когда один из субъектов может выступать в качестве объекта в отношении с другим, нельзя отнести к числу неизвестных. В то же время подход к субъект-объектному взаимодействию, когда объектом не является человек, остается без достаточного внимания в интерпретации и оценке этого явления как коммуникативного процесса.

Коммуникация – это информационный процесс, в котором имеет место восприятие информации от определенного источника. Когда таким источником является человек, то в этом случае коммуникативный процесс, в принципе, не вызывает сомнения. Но когда источником информации выступает любой другой объект, как быть в этом случае? Как оценить процесс, в котором участвуют субъект, как получатель информации, и объект, как ее отправитель, привычная коммуникативная интенция которого фактически отсутствует и остается лишь ее «референт» в форме различных свойств и характеристик, выражающих так называемую информационную природу («нагруженность», конституцию и т. п.) объекта? Тем не менее указанная референтность коммуникативной интенции выступает одним из важнейших условий взаимоотношений человека и окружающего его мира. Именно она (данная интенция) способна отчасти объяснить: почему человек вступает в эти отношения, что их обуславливает и какова их объективная природа, наряду с тем, что у человека просто существуют информационно-когнитивные потребности как определенная психофизиологическая и социальная норма.

Человеческая жизнедеятельность изначально и в самых своих элементарных проявлениях объектно ориентирована, предметно определена. Разумеется, эта предметная определенность первоначально опосредована сложной системой чувственных восприятий объекта, которые на сенсорном уровне не могут быть охарактеризованы как познавательные образы. Как показано в психофизиологии, нельзя рассматривать психические образования как совершенно тождественные нервно-физиологическим механизмам. Субъективный образ имеет свою специфику и не сводим к модели, исходящей от нервного аппарата. Сенсорная система не владеет социально-нормированными способами преобразования получаемой информации и в таком случае не может выступать основой субъект-объектной коммуникации. Как отмечает В. А. Лекторский, «возникновение восприятия, т. е. объектного знания, не может быть понято только исходя из сенсорной информации или же каких-то иных видов отражения, не воспроизводящих объектные характеристики действительности» [200, с. 12].

Американский психолог Дж. Гибсон выделяет, к примеру, два вида зрения, лишь один из которых является восприятием, то есть знанием в прямом смысле слова. «Если вы посмотрите в окно, – пишет он, – то увидите за ним обширное окружение: землю и здания или, если вам повезет, пейзаж. Это то, что мы будем называть видимым миром. Это обычная знакомая сцена повседневной жизни, в которой большие предметы выглядят большими, квадратные – квадратными, горизонтальные – горизонтальными, а книга, лежащая в другом конце комнаты, выглядит так, как будто лежит перед вами... Теперь взгляните на комнату не как на комнату, а, насколько вы сможете, как на нечто, состоящее из свободных пространств или кусочков цветных поверхностей, отделенных друг от друга контурами... Если вы упорны, то сцена станет походить на картину. Вы можете видеть, что ее содержание чем-то отличается от предыдущей сцены. Это то, что здесь будет называться видимым полем, оно менее знакомо, чем видимый мир, и его нельзя наблюдать без особых усилий» (цит. по: [209, с. 233]).

Коммуникативное восприятие объекта всегда предполагает осмысление, понимание, истолкование увиденного. Одна сенсорная информация не может соответствовать самым различным реальным объектам и не способна вызывать адекватную коммуникативную интенцию у субъекта. «Главная задача воспринимающего мозга – отобразить единственный из

многих возможных способов интерпретации сенсорных данных. Ведь из одних и тех же данных можно "вывести" совершенно разные объекты. Но воспринимаем мы лишь один объект и обычно воспринимаем верно. Ясно, что дело не только в сочетании, сложении нервных паттернов, восприятие строится и из решений. Чтобы понять это, стоит внимательно рассмотреть неоднозначность объектов, причем тут следует иметь в виду, что выделение некоторой области паттерна как соответствующей объекту, а не просто части фона, есть лишь первый шаг в процессе восприятия. Остается еще принять жизненно важное решение: *что есть этот объект?* Вопрос стоит остро, поскольку любой двумерный паттерн может отвечать *бесконечному числу возможных трехмерных форм*. Восприятию помогают дополнительные источники информации – стереоскопическое зрение, параллакс, возникающий при движении головы. Во всяком случае, остается фактом, что мы почти всегда достаточно надежно решаем, "что ЕСТЬ этот объект?", несмотря на бесконечное число возможных решений», – пишет Р. Грегори [105, с. 26–27].

Субъект-объектная коммуникация всегда предполагает выбор определенной интерпретации сенсорной информации, ее сопоставление с объектными эталонами, которые формируются в процессе социально-культурного развития человека и его предметно-практической активности. Эталоны выбора – это социально-коммуникативная норма, интенция субъекта на коммуникативное отношение с объектом. Коммуникативная же интенция объекта «скрывается» в сенсорно воспринимаемой информации объекта.

Исходным отношением человека к миру как известно, является не пассивная рецепция, а предметно-практическая деятельность. Факт связи процесса формирования восприятия с предметной деятельностью субъекта широко признан ныне в психологии. Так, в исследованиях французского психолога Ж. Пиаже показана включенность перцепции в более общие схемы предметной активности, каковыми для ребенка раннего возраста являются сенсомоторные схемы (см.: [200, с. 158–159]).

Вместе с тем указания на то, что нормы социально-коммуникативных интенций формируются в процессе практического взаимодействия субъекта с объектом, еще недостаточно. В философской и психологической науке показано, что сама предметно-практическая деятельность должна быть осмыслена в ее специфически человеческих характеристиках, а именно как деятельность, во-первых, социальная и, во-вторых, как опосредованная рядом других исторически и культурно развивающихся, созданных людьми предметов, которые человек помещает между собой и естественным (объективным) миром вещей. Созданные человеком социально-функционирующие предметы, опосредующие разнообразные виды его деятельности – начиная от орудий, включая предметы быта и заканчивая знаково-символическими системами – выполняют не только инструментальную роль, но и важнейшую коммуникативно-познавательную функцию. Во включенных в коммуникативный процесс объектах человек выделяет те черты, которые оказываются существенными с точки зрения развивающейся социальной практики, а это становится возможным именно при помощи предметов-посредников, несущих в себе опредмеченный социально-исторический опыт практической и духовно-культурной деятельности (специально эта проблема рассмотрена в работах таких известных философов и психологов, как Э. В. Ильенков, В. А. Лекторский, А. Н. Леонтьев, А. П. Огурцов, С. Л. Рубинштейн, В. С. Швырёв, Э. Г. Юдин и др.).

Дифференцируя объект коммуникативных отношений по его принадлежности к явлениям естественной природы и человеческой культуры, следует отметить, что в первом случае все процедуры коммуникативного процесса опосредованы социально-значимыми и индивидуально-личностными смыслами субъекта, а также нормами познавательной практики, формируемыми в обществе. Другими словами, данный тип коммуникативных связей осуществляется при полном доминировании активности субъекта. Коммуникативная интен-

ция объекта связана с системой его качественных характеристик, социальная полезность которых вначале не создается человеком, а открывается и осваивается им.

Особенностью субъект-объектной коммуникации является своего рода *выравнивание* коммуникативной активности субъекта и объекта. Коммуникативная интенция объекта в данном случае строится на основе *двойственной природы* информации, включающей как субъективную духовно-онтологическую структуру объекта в виде социально сформированных идей о его функциях и назначениях, так и объективную материально-онтологическую структуру как физическую конституцию объекта. Духовно-онтологическая структура объекта обуславливает его коммуникативную активность за счет специально формируемых смыслов структуры объекта, предлагаемых востребованию в социально-культурном пространстве его функционирования.

Коммуникативная активность субъекта частично снижается в связи с элиминацией из субъект-объектных взаимодействий норм коммуникативно-познавательных процедур, уже «заложённых» в субъективно-онтологической структуре объекта. Коммуникативная активность субъекта сопряжена лишь с особенностями идентификации и реализации смыслов субъективной и объективно-онтологической структуры объекта в условиях новых социально-исторических практик. Таким образом, происходит раскодирование социально наследуемой информации и формирование новых онтологических смыслов. А отличительной особенностью современной социальной коммуникации является все большее присутствие в ее структуре закодированных информационных блоков, являющихся референтами как реальных, так и мнимых объектов.

Относительно общей включенности человека в мир кодированной и некодированной информации Э. Тоффлер, к примеру, высказался следующим образом: «На нас оказывает огромное влияние внешняя среда. Сами сигналы, исходящие из внешнего мира – звуковые волны, свет и т. п. – проникают в наши органы чувств. Однажды воспринятые, эти сигналы в ходе необъяснимого процесса преобразуются в символы реальности, в образы. Эти поступающие сигналы делятся на несколько типов. Одни из них могут быть названы незакодированными. Так, например, человек, идя по улице, замечает лист, гонимый ветром по тротуару. Он воспринимает это событие своими органами чувств. Он слышит шелест. Видит движение и цвет. Он чувствует ветер. Из этих ощущений он каким-то образом формирует мысленный образ. Мы можем рассматривать эти воспринимаемые сигналы как сообщение. Это сообщение не выходит за пределы обычного восприятия, поэтому оно не искусственно. Оно не предназначено сообщать что-либо, и человеческое восприятие его не зависит непосредственно от социального кодекса – набора символов и определений, гармонирующих друг с другом в социальном отношении. Мы все окружены такими случаями и участвуем в них. Когда они происходят в пределах досягаемости наших чувств, мы можем извлекать из них незакодированные идеи и преобразовывать эти идеи в ментальные образы. Действительно, некоторая доля образов в каждой индивидуальной ментальной модели извлекается из таких незакодированных сообщений.

Но мы получаем из внешнего мира также и кодированные сообщения. Кодированные сообщения – это те, которые зависят от социального соглашения по поводу их значения. Все языки, лежат ли в их основе слова или жесты, барабанные удары или танцевальные па, иероглифы, пиктограммы или расположенные в определенном порядке узелки веревки, являются закодированными» [352, с. 124–125].

Закодированные смысло-образы входят в субъективно-онтологическую структуру объекта и выражают в нем соответствующие формы представленности социального субъекта. Субъект-объектные отношения, таким образом, могут быть рассмотрены под углом коммуникативных характеристик, поскольку существует возможность репрезентации функций

субъективно-онтологической структуры объекта в виде коммуникативно-целостных функций субъекта, неявно участвующего в коммуникативном акте.

Таким образом, субъект-объектные отношения трансформируются в *субъект-субъектные* взаимозависимости. Акт коммуникации, как процесс передачи (усвоения) информации, определенных взаимодействий на этой основе, следует понимать не просто как усвоение субъектом социального опыта, опредмеченного в культуре, не только как совершаемый собственными силами акт распремечивания способов деятельности, процесс раскодирования социально сформированных смыслов. «В действительности, – пишет по этому поводу В. А. Лекторский, – само усвоение адекватных способов деятельности с социально функционирующим предметом возможно лишь при условии включения субъекта... в живую коммуникативную связь с другими ныне существующими людьми... которые обучают его человеческим методам использования созданных человеком вещей, и этим самым формируют у него культурные установки и нормы, включая эталоны познавательной деятельности» [200, с. 177].

Субъект-субъектные взаимозависимости являются определяющими в понимании природы социальной коммуникации, ее содержания и структуры. Это, разумеется, не значит, что из системы коммуникативных связей выпадает спектр объективных социально-предметных отношений, в которые вступает человек, или предпочтение отдается первичности субъект-субъектных взаимодействий перед субъект-объектными. По отношению к конкретному человеку, как участнику коммуникативного процесса, любые другие субъекты и объекты являются внешними. Поэтому все взаимодействия человека с миром, даже самые первые, осуществляются как бы во внешней форме, то есть направлены на внешние предметы. Эта идея получила дальнейшее развитие в трудах А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия, А. В. Запорожца, В. П. Зинченко и др. А. Н. Леонтьев, в частности, подчеркивает, что «высшие специфические человеческие психологические процессы могут родиться только во взаимодействии человека с человеком, т. е. как интрапсихологические, и лишь затем начинают выполняться индивидом самостоятельно; при этом некоторые из них утрачивают далее свою исходную внешнюю форму превращаясь в процессы интерпсихологические» [203, с. 97–98].

Таким образом, все коммуникативные ассоциации, нормы, устремления и т. п. не могут быть порождены иначе, кроме как на субъект-субъектной основе, несмотря на многочисленные и сложные системы информационных связей, в которые может быть включен человек. Именно поэтому так незаменима и велика ценность «живых» человеческих отношений и коммуникации, которая строится на этой основе.

Кризис таких взаимосвязей в современных условиях очевиден. Реальные субъекты коммуникативной пары все чаще и чаще заменяются искусственным «субъект-референтом» в лице, например компьютера или виртуального собеседника. При этом коммуникативный процесс опосредуется многочисленными системами предметов-посредников, являющихся результатом научно-технического и социально-культурного развития общества. «Преобразовательная и познавательная деятельность, – подчеркивает В. А. Лекторский, – предполагает создание целого мира социально-функционирующих "искусственных" предметов-посредников, в которых объективирован общественный опыт преобразовательной и познавательной деятельности. Сам индивидуальный субъект, как субъект сознания и познания, возникает лишь постольку, поскольку он выступает как агент этой деятельности, т. е. включается в определенную объективную систему отношений к другим субъектам и овладевает социальными способами деятельности, объективированными в предметах-посредниках. В этом смысле можно сказать, что как специфически-человеческое познание, так и его субъект – это "искусственные" продукты. Не в том, разумеется, смысле, что познание имеет дело только с собственными творениями человека и не отражает характеристик реальных, независимо от сознания существующих объектов, и не в том, что субъект – это какая-

то химерическая выдумка. Имеется в виду лишь то принципиальное обстоятельство, что познавательный процесс, производство знания предполагает разрыв с естественным отношением организма к внешней среде и использование таких эталонов, которые имеют социально-культурный (в этом смысле "искусственный") характер» [200, с. 181].

В. А. Лекторский объясняет общую позицию искусственности современной цивилизации, в которой коммуникативный процесс теряет черты традиционных представлений о непосредственном человеческом общении. Современная субъект-субъектная коммуникация все больше напоминает отношения людей, детерминированных технико-технологическим прогрессом, нередко личностно немотивированными целями и программами, людей, которые вступают во взаимодействие друг с другом не на основе индивидуальных знаний и убеждений, а по предназначению социальной событийности, внешне смысловой заданности. Интенции субъект-субъектной коммуникации здесь обусловлены пассивным «присвоением» социально-культурных смыслов, создаваемых в процессе общественно-исторического развития общества. Коммуникация чаще всего обусловлена использованием большого объема «готовой» информации в ущерб креативно-познавательным процедурам субъект-субъектных отношений.

Эта тенденция, разумеется, не действует в «чистом» виде, и ей в условиях становящихся сетевых коммуникаций противостоит тенденция к актуализации такой испытанной коммуникативной формы взаимодействия, как *диалог* в непосредственной или опосредованной (Интернет) формах. Правда, и здесь «мертвые хватают живых», и «в процессе диалогического решения мыслительной проблемы субъект-объектные отношения... между сотрудничающими друг с другом испытуемыми (участниками диалога. — А. Л.) изменяются прежде всего в зависимости от того, кто из них сумеет раньше и убедительнее открыть или хотя бы наметить новые перспективные направления (идею, прогноз) будущего решения. Иначе говоря, лидером становится, как правило, тот испытуемый, который предложил прогноз решения, принятый партнером» [52, с. 65].

Вот почему, к примеру, современные образовательные технологии выстраиваются на принципах диалогизма, раскрывающих потенциал двусторонней смысловой связи, заинтересованного общения субъектов коммуникативно-образовательного процесса.

В диалог могут вступать не только учитель и ученик, но и читатель текстов, насыщенных определенным содержанием, и их автор, пусть даже разделенные веками, но связанные в этом коммуникативном процессе общим стремлением понять суть рассматриваемых проблем. Конечно, в случае с «текстовым» диалогом, когда текст выполняет пассивную презентативную функцию субъективности его автора, необходима специальная подготовка реального («живого») субъекта коммуникации. Это достигается лишь в процессе непосредственного общения с подготовленным учителем. К примеру, концепция современного американского философа и педагога М. Липмана строится на внедрении принципов диалогизма в обучение школьников основам философских знаний. Стержнем данной методики является использование приема сократического диалога, но осуществляемого в сообществе исследователей, каждый из которых имеет возможность свободно высказывать свое мнение в отношении того или иного обсуждаемого вопроса. Свободная дискуссия при этом направляется и регулируется преподавателем, который, тем не менее, также готов признать свои ошибки, как и любой другой участник данной коммуникации [366].

Преимущество учебного диалога в том, что в нем главный акцент делается не на пассивном усвоении все большего объема информации, а на совместном активном выявлении сущностных, глубинных связей рассматриваемых явлений. Диалог не только позволяет выявить широкий спектр мнений и идей в отношении дискутируемой проблемы, способствует критической оценке выдвигаемых взглядов, но, самое главное, он является важным условием поиска участниками дискуссии новых для себя смыслов, условием самокритики

и ее превращения в саморефлексию. Именно в такой обстановке происходит процесс формирования ментальных структур сознания и самовыражения смыслов личностных знаний субъектов образовательной коммуникации. А это уже является главной предпосылкой становления индивида как личности, не просто повторяющей, но и развивающей опыт, например учителя или любой другой культурный опыт.

В условиях современного информационного «взрыва» важно учесть это обстоятельство, причем не только в отношении образовательного процесса, но и в других возможных проявлениях социальной коммуникации. Жизнь во всех ее социальных формах изменяется настолько быстро, что опыт и знания даже современников не всегда способны эффективно реализоваться, не говоря уже о различных историко-культурных контекстах представления информации предшественников.

В наши дни реально актуализируется задача не только выявления структурно-содержательных характеристик, условий и механизмов становления самосознания индивида, формирования его как личности, но и поиска принципиально новых подходов в оценке индивида как субъекта интенсивно меняющегося мира и его коммуникативных связей. Важным исходным принципом должен стать принцип ориентации познающего субъекта не только на выявление закономерностей и условий открытия своего «Я», как открытия себя в мире вещей, идей и людей (что, безусловно, является чрезвычайно важным), но и открытия «Я» в себе, как особого «Я» – «Я» «всеобще-коммуникативного», неразрывно включенного в интегральные связи современного мира и ответственного за его судьбу.

Современная психология и философия раскрывают суть и механизмы оптимизации этого процесса. Как показал Л. С. Выготский, внутренние психические процессы возникают как следствие «интериоризации», то есть «вращения», перехода во внутренний план тех действий субъекта, которые первоначально осуществляются во внешней форме и направлены на внешние предметы. Совершаясь во внешней форме, деятельность предполагает взаимодействие с другими людьми и использование исторически накопленного социокультурного опыта. В процессе интериоризации внешние действия подвергаются трансформации – обобщаются, вербализуются, индивидуально осмысливаются, получая возможность к дальнейшему развитию (см.: [203, с. 95]).

Принципиально важно, чтобы формирование коммуникативных характеристик индивида означало рост *всеобщей значимости личностного* как носителя социального, значения его самого в этой всеобщности как активного субъекта социальных взаимодействий. В этом плане представляется убедительной позиция В. С. Библера, сформулированная им в отношении общей тенденции развития современного субъекта. «В XX веке, – пишет он, – возрастает социальное значение и катализирующая роль... таких извечных, но ранее маргинальных форм деятельности, в которых основным производителем общения является не "совокупный работник"... не "все общество", как единое целое, с едиными всеобъемлющими целями, но – просто индивид, свободно сосредотачивающий в своем разуме... всеобщие (это существенно) знания, умения, стремления человечества, – творчески преобразующий эти знания и стремления в своих произведениях, – собеседник, излучающий новые и актуализирующий старые – вечные – формы личностного общения» [38, с. 275].

Иными словами, «все дороги ведут в Рим», совокупность всех процессов и феноменов практики объект-субъектных и субъект-субъектных взаимодействий выдвигает на передовые рубежи их социокультурное измерение. Характерно, что типичный характер коммуникативных отношений присущ именно тем субъект-объектным взаимодействиям, в которых объект выступает как социально-культурный феномен, то есть является результатом человеческой практики. Все заложенные в информационное содержание объекта смыслы выражают его духовно-онтологическую структуру и формируются человеком в процессе создания этого объекта и пользования им. Как отмечает Т. М. Тузова, «любой предмет культуры

изначально является соединением духовного и материального, сплавом мысли (причем, мысли, замысла не только того, кто этот предмет впервые создает, но и того, кто хочет им пользоваться, для чего, собственно, и нужно прочесть, понять, расшифровать его смысл) и физической конституции предмета. Так, уже в самом примитивном материальном орудии труда, к примеру, в топоре, лопате, гвозде, молотке, винте и проч., словом, в простейшем техническом устройстве, оставленном нам нашими далекими предками, изначально заложено определенное мысленное содержание, некая информация духовного характера, и именно она, в конечном счете, являясь внутренней структурой этого предмета, или его онтологической структурой, определяет его культурный статус. Содержанием этой информации, или этой мысли, являются, как минимум, идеи о назначении, функциях и способе употребления данного устройства» [76, с. 24].

Издавна и непреходяще этот процесс по определению является коммуникативными взаимосвязями между субъектами, которые требуют регуляции общезначимыми правилами. В центре таких правил – *нормы*, задающие в форме аксиом рамки и ориентиры социальной коммуникации и общения. «Краткая философская энциклопедия» дает следующее определение этого понятия: «Норма (лат. *norma* – правило, образец) – предписание, образец поведения или действия, мера заключения о чем-то и мера его оценки... Нормальное – соответствующее норме, подчиняющееся правилу. В противоположность этому аномальным является отклоняющееся от нормы... Нормативный – создающий нормы, устанавливающий правила» [180, с. 306].

По сути, культурно-цивилизационная, укорененная в ментальности, норма – это гораздо большее, чем правило, которое может быть формально-юридическим. «Эти нормы – основа нашей культуры. Речь не о том, какие они; я лишь утверждаю, что там, где их нет, там нет и культуры», – подчеркивает Х. Ортега-и-Гассет [274, с. 144]. Именно культура создала символы нормативного характера, которые смыслообразуют эталоны поведения, связанные с ними императивные правила и ритуалы. «Для таких субъектов, как ты, – говорит чеховский персонаж, – правила необходимы, как хлеб насущный» [401, с. 7].

Выявляя сущность норм, К. Поппер четко различал факты, выражающие некую объективную реальность, и ценностно-нормативное отношение к ним. Отношение между фактами и нормами асимметрично и проявляется в том, что нормы всегда относятся к фактам, а факты оцениваются согласно нормам, и эта зависимость необратима. «Относительно любого факта можно поставить вопрос: *согласуется* он с некоторыми нормами или нет? Такой вопрос в корне отличается от вопроса о том, *нравится* ли нам этот факт», – отмечал исследователь [298, т. 2, с. 459–460]. Норма безотносительна к чьим-либо симпатиям или антипатиям и имеет императивный характер. Так, ныне нормой является стремление освоить (не получить, а именно освоить) добротное образование, достаточное для ориентации в наш информационный век и идентификации в нем как зрелого субъекта деятельности.

В этой связи возникает непростая проблема отношения к фактам как *артефактам*, то есть феноменам, которые существуют объективно и вместе с тем интерпретируются в духе ценностного взаимодействия между людьми. По аналогии с веберовским различием целерациональной и ценностно-рациональной деятельности, в научной литературе обращается внимание на различия между технологическими и социально-ценностными нормами.

Суть *социально-ценностного* нормирования в том, что человек избирает цели и способы их достижения с точки зрения не только их эффективности, но и допустимой социальной цены, последствий достижения этих целей и способов их реализации. Здесь социальное – превращенная форма культурно-цивилизационной по своему характеру нормативности. Достаточно сослаться на один эпизод из биографии И. Канта. Философа – очень больного – посетил врач. Кант с трудом встал и что-то произнес так невнятно, что врач его не понял. Наконец, друг философа изумил врача тем, что объяснил: Кант не ляжет, пока он не сядет.

Эталон деликатности, Кант заметил, что его еще не покинуло чувство принадлежности к человечеству.

В этом эпизоде отчетливо заметна культуротворческая роль нормы. Она «не дает указаний, как нужно заботиться о жизни... Она ничего не уточняет в этом отношении, оставляя все на усмотрение личности. Без сомнения, служить Другому нужно словом и делом, но какими конкретно словом и делом, мы должны решать в зависимости от ситуации» [20, с. 214].

Все же редукция этого сюжета к той или иной ситуации не вполне удовлетворяет, если, к примеру, напомнить «героический энтузиазм» Джордано Бруно, взошедшего за свои убеждения на костер инквизиции. Вслед за ним М. Лютер, независимо от явно угрожавшей ему «ситуации», твердо заявил: «Я здесь стою и не могу иначе». Суть этой коллизии – не в тексте антипапского послания Лютера, а в контексте первой акции протестантской революции.

Но вопрос стоит гораздо шире. Отмеченные сюжеты отчетливо показывают, что существуют *цивилизационные* и *культурные* нормы. В первом случае Дж. Бруно вполне удовлетворил бы удел верноподданного Риму послушника веры в лучший из миров, но предпочел убеждение в множественности миров (за что до сих пор не прощен Римом). Лютер должен был остаться законопослушным и смиренным агентом католической церкви, но решился стать субъектом сопротивления ей.

В любом варианте культурные нормы сочетаются с цивилизационными не однозначно. Первые способны не только освободиться от нейтральных цивилизационных представлений, но и противостоять им, утверждая примат определенных ценностей. Так, до Коперника полагали, что Солнце вращается вокруг Земли (геоцентризм). С коперниканским переворотом стала нормой гелиоцентрическая концепция. Однако, по свидетельству этнографов, аборигены Микронезии по-прежнему геоцентричны, и отнюдь не в силу невежества. Они знают, что «Земля в движении, а Солнце неподвижно», но отказываются в это верить. Главное в их убеждении: человек – в центре мира, и различные состояния светила соотносятся с их ощущениями.

Такая конвенция – все же экзотика периферийного локуса, и мир живет не только по Копернику, но и по Бруно, который предполагал не один мыслящий мир, а множество подобных миров. Пока не обнаружив их в космосе, современная культура исходит из них и коммуникаций между ними («Диалог цивилизаций») на нашей Земле. Но такая всеобщая коммуникация, по сути полилог культур, несовместима с нежеланием освоить (именно освоить, а не «получить»), к примеру, добротное образование и компетенции, достаточные для адекватных ориентаций и практической деятельности в наш все более информационный век. Для нее не может быть приемлема и вседозволенность неограниченной свободы в киберпространстве, что выступает питательной почвой многообразных форм киберпреступности и подталкивает цивилизационный процесс к деструктивной мутации.

Иначе говоря, налицо проблема, которую, если воспользоваться терминологией З. Баумана, можно сформулировать следующим образом: нормы имеют четко определенные границы, соответствие которым представляет собой вечно маячащий в будущем горизонт, стимул к последовательным усилиям [20, с. 284].

Глава 2. Противоречия индустриализма и дилеммы становления постиндустриального и информационного укладов общества

2.1. Индустриализм в зеркале ценностей техногенного общества

«Каков ход вещей, таков ход идей» – эта программная мысль замечательного итальянского мыслителя начала XVIII в. Дж. Вико оказалась пророческой. Тогда человечество действительно было накануне великой промышленной революции. В течение полутора веков она коренным образом преобразовала технико-технологические основания, а с ними – и совокупность общественных отношений традиционного общества. Прежние идеалы были низвергнуты как идола, и на смену феодальному органицизму пришел *технизм* – некритическая вера в безусловную благотворность развития техники для человечества. Технические средства отныне выступают критерием исторической периодизации человеческой цивилизации. Наиболее распространенный критерий – источники энергии (мускульная сила человека, мускульная сила животных, механическая сила машин).

Технологический детерминизм – это совокупность представлений о решающей роли техники в развитии мировой цивилизации. Прогресс техники и технологии порождает особый тип общественного устройства – тотально техногенную цивилизацию. Ее особенности:

техника превращается в доминирующий фактор цивилизации и выступает автономным явлением, обособленным от социальных отношений, равноположенным природным явлениям и противопоставленным им;

развитие техники подчиняется своим собственным законам и логике, отличным от социальных законов;

автономия техники выражается в ее способности к саморазвитию сверх ее достигнутых параметров;

технический прогресс представляет собой постоянный прогресс, неуклонное движение от худшего к лучшему [179, с. 193].

Суждения об индустриальном обществе и его оценки основаны на многовековой и широкой традиции. Его авторитетные теоретики (но далеко не всегда апологеты) А. де Сен-Симон, Ш. Фурье, О. Конт, Дж. С. Милль, Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Кларк выделяли следующие его признаки: во-первых, оно заботится о производстве; во-вторых, в нем превалирует порядок, уверенность и четкость; в-третьих, оно организовано «новыми людьми» – инженерами, промышленниками, проектировщиками; в-четвертых, оно опирается на знания (Сен-Симон). В индустриальном обществе экономическая система отделена от семейных связей, рабочее место – от домашнего очага. С распадом традиционного «коллективного сознания» основные убеждения организованы вокруг профессиональных норм и связываются воедино профессиональной этикой (Дюркгейм). В обществе распространяются единая этика и стиль жизни: они становятся деперсонифицированными нормами, упор делается на успех и личные достижения, критерии эффективности определяются по наименьшим затратам, а рациональный учет и контроль проникает во все области управления (Вебер). Позиция Кларка о признаках индустриализма связана с его представлениями о вторичном (индустриальном) секторе общественного производства.

Каковы в целом *сущностные черты* индустриального способа производства, его культурно-цивилизационная специфика?

«Для всех теоретиков индустриального общества (и в данном случае также для К. Маркса), – пишет Д. Белл, – точкой отсчета (или основным институтом) является промышленное предприятие, а в качестве стового хребта общества выступает социальная база машинного производства. С этой точки зрения все индустриальные общества имеют некоторые общие черты: повсюду распространена одинаковая технология; одинаково и качество технических и инженерных знаний (а также учебных заведений, которые их предоставляют); примерно одинаковы наборы профессий и видов труда. Если подходить к проблеме более широко, можно обнаружить, что в каждом обществе увеличивается доля технических работников по отношению к другим категориям занятых... управление требует в основном технических навыков. Индустриальные общества – это экономические общества, организованные вокруг принципа функциональной эффективности, требующие получения "больших результатов из меньших вложений" и выбора наиболее "рационального" типа действий» [29, с. 99–100].

Новый, индустриальный тип деятельности возник, сформировался и созрел как исторический продукт кардинального преобразования и переоценки базовых взаимосвязей людей с природой, друг с другом и самих себя. Большая традиция предполагала лишь модификации основного – *орудийного* – принципа взаимосвязи человека с природой. Независимо от степени развитости орудий – от первобытного камня до средневековых ремесел – труд был двухзвенным, как непосредственная связь работника с предметом труда, и по преимуществу физическим и изнурительным. Незрелости субъекта труда и орудий соответствовала и его производительность, недалеко уходящая от потребностей простого воспроизводства и выживания. Такое состояние обуславливало более или менее грубые социально-экономические формы господства/подчинения. Тем не менее незрелая «природа вещей» – производительных сил, прежде всего человека, – вызывала восприятие трудовых и всех иных общественных отношений как «нормальных», более того – санкционированных религиозной традицией, которая архетипически господствовала в общественном сознании.

В доиндустриальном обществе техника выступала как искусное ремесло. Технические умения передавались от мастера к ученику в рамках ремесленно-цеховой организации. Эти умения, навыки, знания являлись достоянием замкнутого круга лиц и чаще всего не получали высокой общественной оценки.

Ситуация кардинальным образом изменилась в Новое время, когда общество во все более значительной степени стало функционировать на машинной основе. В этом пункте модернистский идеал самоопределения человека, в целом выражая вектор движения общества, все более *раздваивался*, акцентируя не столько его гуманистический смысл, сколько радикальную и становящуюся нормативной тенденцию к *функциональному* для человека труда и *инструментальному* преобразованию технических средств и социальных технологий. Такой инструментальный подход актуализировался в XVIII в. в условиях нарастающего противоречия между состоянием ремесленного и мануфактурного (то есть все же ручного) производства и новыми общественными потребностями. В начале XIX в. «нужды потребления вообще росли быстрее, чем производство, и развитие машин было неизбежным следствием рынка» [234, с. 405]. Вследствие такого «вызова» разделение и кооперирование труда на мануфактурном конвейере вначале привело к механизации его наиболее трудоемких функций, «узких мест», а затем к комплексному эмпирическому моделированию и конструированию трехзвенной системы, состоящей из трех подсистем – машины-двигателя, передаточного механизма (трансмиссии) и так называемой «рабочей» машины.

В машинном производстве место мастера заменяет инженер, наиболее компетентный в техническом отношении специалист. А. И. Ракилов, выявивший признаки, отличающие раз-

витое инженерное мышление, пришел к выводу, что инженерное мышление формируется на машинной основе; оно рационально, выражается в общедоступной форме, имеет тенденцию к формализации и стандартизации, опирается не только на экспериментальную базу, но и на теорию, систематически формируется профессиональными инженерными дисциплинами, экономически рентабельно. Наконец, инженерное мышление имеет тенденцию к универсализации и распространению во всех сферах общественной жизни [310].

Машина – это не латинский *Deus ex machina* (Бог из машины), которого поднимали *над* сценой с целью исхода из самого по себе неразрешимого конфликта. Напротив, разум – это Бог *в* машине. Последняя становится основанием *господствующего* способа общественного производства, во-первых, лишь как система машин – индустрия, определяющая облик производительных сил общества, во-вторых, как свободное, экстерриториальное и динамичное движение капитала и рабочей силы, в-третьих, как модель самого человека. Для разума того времени человек – это вполне доступный регуляции и совершенствованию «человек-машина» (П. Гольбах). Машина, таким образом, становится новой религией активизма человека во всех сферах. Бурный ренессанс переживало античное *techne* – одновременно техника и искусство ее создания и совершенствования. Теперь у этого фаустовского порыва было прочное технологическое основание. «Развитие машин становится само по себе промышленным *perpetuum mobile* – вечным двигателем», – отмечал К. Маркс [222, с. 414].

Машина – принципиальная возможность массового производства, и для его расширенного воспроизводства она потребовала, с одной стороны, свободного капитала, с другой – освобожденного от пут личной зависимости наемного труда. Это и есть двуединая предпосылка капиталистического производства. Вначале возникшее как один из *укладов* феодального общества, оно становится господствующим способом производства благодаря системе машин – индустрии и свободному движению капитала и рабочей силы. Именно таковым было назначение буржуазных революций – «завоевать свободную арену для движения, уничтожить многочисленные пережитки феодализма и абсолютизма» [229, с. 243]. Как заметил Ж. Жорес, первым событием политической революции во Франции был не штурм Бастилии в 1789 г., а изобретение машины Аркрайта в 1768 г.

Цель была достигнута в органическом *синтезе* политической и промышленной революций, который обусловил господство индустриального способа производства. Эта революция – полный переворот не только в материальном смысле, но и в производстве общественного богатства, в центре которого стоит *homo industrialis* – человек с новыми способностями и потребностями. Для него, по М. Волошину, «Материя явилась бесконечной, / Единосущей в разных естествах, / Стал Промысел / Всемирным тяготеньем... / Исчисленный Лапласом и Ньютоном, / Мир стал тончайшим синтезом колес, / Эллипсов, сфер, парабол – / Механизмом, / Себя заведшим раз и навсегда / По правилам закона сохранения // Материи и Силы» [74, с. 292].

Деятельность индустриального человека основана на трех основных принципах – *рационализм, редуccionизм и эволюционизм*. *Homo rationalis* индустриального Модерна и его основной, сформулированный М. Вебером принцип *целе-рациональности*, – это не античный человек, для которого Разум был космическим и фатальным, и тем более – не средневековый человек, для которого истины рационального разума были слугами Божественной, иррациональной Истины. Новая картина мира обосновала реальную и самодостаточную возможность рационального познания естественных законов и перестройки мира и человека по их образу и подобию. Наука всегда была не только формой рационального знания, но и *опосредованной* производительной силой, поскольку ее достижения материализовались в общественном производстве лишь в конечном счете, в итоге длительного временного лага.

Теперь наука обрела неизвестную ранее, судьбоносную функцию *непосредственной* производительной силы.

Этот процесс развернулся только в промышленной революции. В XVIII в. знание стало материальной силой, и науки сомкнулись с практикой. Вначале постоянные усовершенствования возникали из производственного опыта – наблюдений и экспериментов, эмпирического научного знания. Из этой среды вышли Д. Уатт, создавший паровую машину, Д. Уэджвуд, применивший научные принципы к гончарному делу, Д. Харгривс – конструктор прядильной машины «дженни», К. Аркрайт – творец механического ткацкого станка, Р. Аркрайт, создавший первую прядильную машину, С. Кромптон – изобретатель «мюль-машины». В конечном счете, научные принципы эмпирического и теоретического знания воплотились в машинной технологии, начиная от конструкций машин и заканчивая «часовой» ритмикой производства.

Хотя наука стала непосредственным условием производства, она оказала *неравномерное* воздействие на систему производительных сил, в большей степени затронув ее материальные и организационные компоненты и в меньшей – человека труда. Отчасти это объясняется технологией машинного производства, требующей механического воспроизводства однажды выработанных и усвоенных алгоритмов, отчасти – природой экономической формы этого производства – капитализма. «Онаучивая» вещные и организационные элементы производительных сил, капитал стремился отделить науку от формируемого системой машин «совокупного рабочего».

Определив ход «вещей и идей», целе-рациональный подход естественно привел к формированию «человека-машины», торжеству механистического упрощения, «спрямления», линейного конструирования, возможности на основе сформулированных алгоритмов упорядочить структуру и обеспечить эффективное функционирование не только каждого «звена», но и производства всех общественных отношений.

Прошлый, овеществленный труд в виде машины или, шире говоря – средств производства, стоил гораздо дороже сравнительно дешевого живого труда работника. Ранее нерасчлененный и кое-где, по словам К. Маркса, «полухудожественный труд» в условиях Традиции теперь глубоко специализировался, и человек становился *одномерным*, «функцией одного движения» (П. Дракер). Это было обусловлено не только интересами повышения производительности, но и контроля за работниками. Уже в начале XIX в. буржуазные идеологи откровенно писали, что машина, этот «железный человек», есть «творение, предназначенное для восстановления порядка в рабочих классах» [235, с. 379].

Индустриальное общество – это машиноподобный Левиафан, который требует жестко централизованного, линейного и иерархического управления. М. Вебер ясно выразил эту потребность в своей теории «*бюрократической организации*», способной обеспечить эффективную деятельность человека в современном обществе. «Технический разум» наделил ее следующими чертами: игнорирование личных качеств во взаимоотношениях между сотрудниками организации; разделение труда на основе функциональной специализации; четкая иерархия власти; система правил, определяющих права и обязанности каждого члена организации; система процедур, определяющих порядок действий во всех ситуациях функционирования организации; отбор и выдвижение работников по квалификации.

Иными словами, Вебер рассматривал бюрократию как позвоночник: его звеньев ровно столько, чтобы обеспечить стабильность организма. По степени эффективности бюрократическая организация имеет такие же преимущества, какими обладает машина по сравнению с немеханизированными способами производства. Вместе с тем организация, по Веберу, – это отрицание свободы человека, и, как самоцель, она может быть реализована лишь вне организации. Целе-рациональное начало оказывается редуцированным не только до человека-машины, но и *машино-подобной* организации. В этом, отмечал Н. А. Бердяев, принци-

пиальное отличие внешней механической организации от организма, который содержит в себе внутреннюю цель саморазвития.

Механистические научные принципы в индустриальном обществе проецируются на всю совокупность *общественных* отношений. «То, что имеет силу относительно системы машин, – писал К. Маркс, – верно также для комбинирования различных видов человеческой деятельности и для развития человеческого общения» [233, с. 214]. Подобно «небесной» механике, земная механика этого рукотворного космоса – отлаженный часовой механизм, необъятная фабрика, объективированный, циклически воспроизводимый процесс, в котором человек – также идеальный винтик и функция. Спинозовская свобода предстала в неожиданном свете – как рациональное знание определенных *ролей* и необходимость следовать им.

В такой жесткой системе «границы, в пределах которых люди принимают свои решения, должны быть тщательно очерчены и четко обозначены заметными и недвусмысленными знаками. Как нечеткость, так и излишек смысла, как недостаточность, так и избыток возможных толкований представляют собой отклонения от нормы, с которыми рациональная организация мира людей не может в итоге смириться... Модернити стремилась... к набору правил, не знающих исключений, к инструкциям на все случаи жизни; к систематике... к пошаговому решению задач... к миру, где существуют конкретные (скорее алгоритмические, чем стохастические) рецепты для каждой ситуации... Иными словами, сознание эпохи модернити вынашивало проекты замены истории *законодательством*; замещения неконтролируемых и, возможно, неподконтрольных "законов истории" логически связанными правовыми нормами... Разум модернити – это законодательный разум, а практика модернити – это практика законодательства» [20, с. 82–83].

В *классическом* индустриальном мире, по существу дела, технико-экономические стимулы деятельности являются самодостаточными, а все иные становятся избыточными, в лучшем случае – извинением за издержки рассудочной рациональности, ее мимикрией или украшением. Цветы «прекрасных порывов» модернистского идеала опадают. М. Вебер в начале полагал, что капитализм во многом стал современным благодаря «духу» протестантизма. Однако впоследствии он пришел к выводу, что капиталистическое хозяйство не нуждается более в санкции того или иного религиозного учения и видит в любом влиянии церкви на хозяйственную жизнь такую же помеху, как и регламентирование экономики со стороны государства. Реально реформаторское религиозное течение возникло уже *после* становления капитализма. А господствующее теперь мировоззрение определялось интересами торговой или социальной политики [66].

Индустриальное общество располагает, хотя и все менее в «чистом виде», имманентным механизмом саморазвития, который воспроизводит определенный *тип* общественных отношений. Этот механизм заключается в том, что «создание богатства является актом столь же общественным, сколь и индивидуальным, и успешно действующие кампании представляют собой нечто большее, чем машины по деланию денег и максимизации прибылей. Получается, что не капитализм должен служить нам, а мы должны служить ему» [392, с. 3]. «Железным» императивом звучал вердикт: «Что хорошо для "Дженерал моторс", то хорошо для Америки». Однако до сих пор никто не может отменить отмеченную К. Марксом тенденцию: капитал дремлет, получая 2 % прибыли, оживляется при 50 %, но в ожидании 100 % нет такого преступления, на которое он не пойдет даже под страхом виселицы. Это тяготение не всемирное, но неотвратимое, и уже в период первоначального накопления капитала классик определил его как «кровавую зарю».

Такая тенденция воплощена в поныне реально действующем принципе *эволюционизма*. У него не этические, а естественнонаучные основания. Этот принцип вначале возник в науке и затем приобрел характер императивного универсального импульса практической

деятельности. По Р. Тарнасу, эволюционная теория явилась продолжением и, по-видимому, окончательным оправданием того интеллектуального импульса, который был задан Научной Революцией, но вместе с тем она повлекла за собой и значительный разрыв с классической парадигмой этой революции. Эта теория вызвала мощный сдвиг в сторону, противоположную постоянной, упорядоченной и предсказуемой гармонии картезианско-ньютонова мира, признав за живой природой беспрестанные изменения, борьбу и развитие. С победой дарвинизма, в частности, после знаменитых оксфордских дебатов в 1860 г. между епископом Уилберфорсом и дарвинистом Т. Гексли, наука добилась полной независимости от религии. Вера стала приватной. С теорией эволюции и теми бесчисленными последствиями, которые она имела во всех областях знания, становление природы и происхождение человека, как и динамику природных видоизменений, стали объяснять исключительно естественными причинами [350, с. 243, 257, 259].

Действительная *эволюция* индустриального общества, во многом убедительные различия между его исходным и современным состояниями провоцируют определение процесса как *развития* в строго философском смысле слова. Однако, если оно и допустимо как выражение *внутрикачественных* изменений этого общества, то все же некорректно, если речь идет о развитии в широком смысле. Реально речь может идти о его развитии в *преформистском* духе как разворачивании *основного* качества индустриального общества на собственной основе. Недаром социология, начиная с О. Конта и до авторов современной концепции «стабильного развития», присягает на этом знамени, но подменяет его штандартами «изменений», «эволюции», в лучшем случае – не вполне определенной «динамики».

Ф. Ницше предложил основной *критерий*, по которому динамическая «кажимость», постоянная модернизационная активность скрывает глубоко консервативную, а в критические периоды острых испытаний этого строя на прочность – и реакционную суть. «Были времена, когда... с благочестием верили в свое предназначение... (они) были в состоянии с помощью этой веры воздвигнуть ту громаду широких общественных башен, которые отличают Средние века и за которыми следует признать одно: способность к долговечности (а долговечность на земле есть ценность первого ранга!). Но бывают и обратные времена, собственно демократические, когда... на передний план выступает некая лихая вера... когда каждый убежден, что способен почти на все, *дорос* почти до *всякой роли*... Именно здесь... становится невозможной иная порода людей, прежде всего великие «строители»; строительная сила теперь парализована: исчезает мужество замышлять дальнобойные планы; дает о себе знать недостаток в организаторском гении... Вымирает... вера в то, что человек лишь постольку имеет ценность и смысл, поскольку он оказывается *камнем в каком-то великом строении*» [266, с. 675–676].

Итак, наступила новая историческая эпоха *материализации* смысла и ценностей Возрождения, Реформации и Просвещения – перехода к «золотому веку». Ш. Фурье недаром определил основанный на этих принципах строй как «цивилизацию», или материализацию изначальных культурных импульсов, их своеобразную жизнь и смерть. На Олимпе этой цивилизации находились семантически возвышенные символы Великой французской революции «Свобода, Равенство, Братство», но реальность обернулась прозаическим «служением делу» целе-рациональности, редукционизма и преформистского эволюционизма.

Какова *суть* этого культурно-цивилизационного комплекса, исходя из интегративного, или «высшего», критерия его зрелости – становления, разворачивания и реализации потенциала, расширения и обогащения исторически определенной меры гуманизации и освобождения субъектов культуротворческой деятельности?

К. Маркс – самый проникательный знаток и бескомпромиссный критик индустриального общества в его классической форме – дал ответ на этот вопрос по формуле неделимости «блеска и нищеты». Поскольку это общество было и остается центрированным по преиму-

щество вокруг *экономических* интересов, он изначально оценил его по основному критерию экономической зрелости – производительности общественного труда. Так, по его подсчетам, в Великобритании менее чем за полтора века производительность труда (с учетом динамики населения) в целом выросла в 21 раз, а ручного труда – в 108 раз [218, с. 125]. Однако мыслитель высмеял Прудона, который полагал, что если производительность труда в Англии выросла в 21 раз, то и рабочий стал «в 21 раз богаче».

Каково *реальное* положение человека в этом бурном процессе? С одной стороны, индустриальное производство «создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности... труд которой выступает поэтому не как труд (отчужденный – в терминологии Маркса. – *А. Л.*), а как полное развитие самой деятельности...» [224, с. 120]. Симптоматично, что развитие отраслей производства с наиболее развитым техническим потенциалом происходило «вместе с физическим и моральным возрождением фабричных рабочих» [222, с. 304]. Одновременно с ростом производительных способностей человека культивировались его потребности, и это – «существенный момент цивилизации». В результате потребности удовлетворялись «в условиях, которые... определяются не просто естественной необходимостью, а такой... необходимостью, которая исторически модифицирована определенным уровнем развития культуры» [235, с. 51], и индивиды становятся способными к «всестороннему общественному потреблению». Это принципиально отличает рабочего от раба или крепостного и характеризует меру его относительного освобождения.

Сопоставляя личность рабочего и средневекового труженика, Ф. Энгельс писал: «Хотят ли они (пролетарии. – *А. Л.*) снова вернуться под отеческую опеку цехового мастера и "милостивого господина", если бы нечто подобное было возможно? Разумеется, нет! Ведь именно отделение рабочего класса от всякой прежней мнимой собственности и мнимых привилегий, установление неприкрытого антагонизма между трудом и капиталом сделало вообще возможным существование единого многочисленного рабочего класса с общими интересами, существование рабочего движения, рабочей партии» [222, с. 69]. Поэтому пролетарий стоит «бесконечно выше» сельского ткача с его домашним очагом [224, с. 214].

С другой стороны, отчуждение человека не исчезает, но изменяются его формы. «По отношению к рабочему производительность его труда становится чуждой силой, как и вообще его труд, поскольку он представляет собой не способность, а движение, действительный труд» [233, с. 260] как механическое воспроизводство его алгоритмов. А. Фергюсон, учитель А. Смита, в отчетливо ценностном ключе и исчерпывающе выразил это состояние: «Мы – нация илотов, и между нами нет свободных людей!» (цит. по: [222, с. 366]). Таковы были реалии социэкономики индустриализма в начале XIX в., «на заре» промышленной революции.

В начале XX в. введение жестких конвейерных технологий довершило дело. Система, разработанная американским ученым Ф. Тейлором, заключалась в предельном разделении производственных функций и экономном, без излишней затраты энергии, исполнении работниками той или иной частичной функции. Творец этой системы не скрывал, на кого она рассчитана. Он писал, что система была бы «грубой», если бы она применялась «к образованному механику или даже к развитому рабочему». Но она вполне приемлема, потому что рассчитана на человека «умственно тяжелого на подъем» [258, с. 237]. Недаром В. Ленин, призывая преобразить новую Россию в «необъятную фабрику» и считая необходимым освоение *рациональных* моментов этой системы, тем не менее, назвал ее «системой выжимания пота».

Американский рационализатор Г. Эмерсон возвел эту систему в принцип не только трудовой, но и управленческой деятельности: «Ожидать от среднего рабочего, чтобы он глядел на дело с более широкой точки зрения, чем какая открывается ему с его рабочего места, – нелепо... подчиненный существует лишь для того, чтобы расширять и продолжать

личность начальника и работодателя, и, наоборот, начальник существует только для того, чтобы делать производительную работу подчиненного» [422. с. 281, 291]. В таких строго линейных и «вертикальных» коммуникативных рамках только работодатель – *личность*, а работник – его *функция*.

Это верно не только в сфере производства, но и *потребления*, его все более очевидного несоответствия с многообразием потребностей людей, и прежде всего, в творческой самореализации. Развитие действительных потребностей замещается сегодня конструированием искусственных потребностей (симулякров – в постмодернистской терминологии), реклама занимает место идеологической индоктринации, а соблазны заменяют надсмотр и принуждение. Своеобразным индикатором этого «безумного мира» является рекламный текст: «Мы знаем, что недавно вы купили автомобиль. Но если вы купите наш, у вашего соседа отвиснет челюсть от зависти». «Большая часть населения интегрирована в современное общество в качестве потребителей, а не производителей; между тем интеграция такого типа может быть прочной лишь до тех пор, пока потребности превосходят текущий уровень их удовлетворения», – отмечает З. Бауман [20, с. 85].

Как показал М. Вебер, внешне «безжизненная машина» – по сути это «сгустившийся дух», квинтэссенция экономики, политики и аксиологии. «Только то, что она такова, надевает ее силой принуждать людей служить ей и определять будни их рабочей жизни так властно, как это происходит на фабрике. Сгустившийся дух – это еще и та живая машина, какой является бюрократическая организация с ее требующим специального обучения профессиональным трудом, с ее разграничением компетенций, с ее уставами и иерархически ступенчатыми отношениями подчинения. В союзе с мертвой машиной эта машина стремится изготовить оболочку той будущей личной зависимости, с которой люди – подобно феллахам в древнеегипетском государстве – вероятно, со временем вынуждены будут бесильно смириться, если с чисто технической точки зрения хорошее, а это значит – рациональное управление и обслуживание со стороны чиновников будет для последней и единственной ценностью, выносящей решение об управлении их делами. Ибо бюрократия исполняет это несравненно лучше любой другой организации господства» [67, с. 167].

Действительно, кроме организационно-бюрократических, технико-экономических проблем индустриальной эпохи, внутри нее накопились и духовно-культурные издержки социального развития. Индустриализм, концентрируя внимание на производственных достижениях, на технико-экономической эффективности жизни, не придает должного значения собственно создателю и носителю этой жизни – человеку, его интересам, целям и ценностям. В таких условиях человек постепенно отчуждается от своей собственной деятельности, ее условий, средств и результатов, а нередко – и от самого себя. Он все более отстает от культурно-цивилизационного развития человечества, что в полной степени обострило проблему отчуждения человека, поставленную XIX веком, и проблему утраты реальности, поставленную веком XX. В этом смысле большинство социогуманитарных теорий современности обратили внимание на возрастающую диспропорцию между человеком и социотехнологизированным (индустриальным) человечеством, что формулируется в одном случае как «отчуждение» (марксизм), в другом – как «некоммуникабельность» (экзистенциализм), в третьем – как «гибель реального» (постмодернизм). Печальная сущность происходящего – кризис сознания эпохи, массового самосознания, духовный кризис современной цивилизации. В известной степени в таких условиях теряют смысл исходные гуманистические установки общества Модерна и вспоминается бескомпромиссная критика К. Маркса принципов и практики индустриального общества, особенно в его капиталистической форме. К. Поппер, крупнейший представитель позитивизма XX в., писал: «Маркс любил настоящую свободу... Он не чувствовал никакой любви к царству необходимости, как он называл общество, находящееся в плену своих материальных потребностей... он ценил

духовный мир, царство свободы и духовную сторону человеческой природы» [298, т. 2, с. 122, 156, 230].

Отчуждение человека в условиях индустриального общества принимает новые напряженные формы на стадиях массового конвейерного и полуавтоматизированного производства. В первом варианте человек отчужден уже в непосредственной связи не с отдельной машиной, а с *системой* машин (конвейером), выполняя монотонную частичную функцию, во втором – явно не успевая за возможностями интенсификации труда в режиме использования станков с ЧПУ. Не говоря уже об обесценении гуманитарного смысла труда, функционально выявляется порочный круг: машина и человек – каждый по-своему – обнаруживают пределы своей производительности.

В таком контексте философия техники не только свидетельствует о несостоятельности техницизма и технологического детерминизма, но и возвращается к гуманистическому идеалу ее творения, подчеркивая новые потребности ее трансформации.

Технические объекты представляют собой результат опредмечивания человеческой деятельности. Техника – это человек, но не в его непосредственном, а в символическом бытии. Оценки этого феномена различны. М. Хайдеггер акцентировал свое внимание на том, что техника противостоит человеку, через технику человек как бы отказывается от своего существования. Поэтому техника есть неподлинное существование человека.

В конструктивном понимании техника – это материализованные сущностные силы человека, его «свое-другое» в синергии с естественными силами природы и социальными отношениями, благоприятными для человека. Такое понимание требует преодоления редукционизма и фрагментарности индустриальной парадигмы и выработки идеалов, ценностей и норм техноэтики. Это особенно настоятельно в «информационный век».

Какие же максимы принимаются техническим сообществом? В Декларации о технике и моральной ответственности, принятой на международном симпозиуме в 1974 г. выдающимися философами, учеными, техниками, отмечалось, что частные, локальные интересы не могут иметь преимущества перед всеобщими требованиями людей, их стремлением к справедливости, счастью, свободе. Ни один из аспектов техники не является морально нейтральным. Недопустимо делать человека объектом, придатком машины. Каждая техническая новация должна пройти проверку на предмет того, действительно ли она способствует развитию человека как свободной, творческой личности. За прошедшее с 1974 г. время к этим максимам добавились требования безопасности, экологической целесообразности, здоровья человека. Техноэтика ценностей разработана в ФРГ в «Рекомендациях по оценке техники». Немецкие авторы называют шесть основных ценностей – благосостояние и здоровье людей, их безопасность, экологическое качество, развитие личности в обществе и две, относящиеся непосредственно к технике (ее функциональная пригодность и экономичность) [157, с. 279].

2.1.1. Трансформация концепции технологического детерминизма: на пути к конвергентной технологической картине мира

Отмеченные в предыдущем разделе характеристики индустриально-технологического уклада общества позволяют выйти на анализ современных тенденций социально-культурной динамики, в основе которых находятся *нетрадиционные технологии информационно-коммуникационных процессов*. В связи с таким прорывом происходит существенная трансформация концепции технологического детерминизма. В ее основе лежит рефлексия прогресса в технологиях технического и экономико-производственного назначения, которые во многом определяют важнейшие тенденции общественного развития.

Уже предварительная оценка эволюции технологий социальной коммуникации позволяет сказать, что ее (эволюции) основные принципы вполне коррелируют с методологической презумпцией А. И. Ракитова и Т. В. Андриановой, высказанной в преддверии формирования новой информационно-коммуникативной эпохи: «Мы знаем, что животные, а также люди обладают способностью к различным коммуникациям и передаче сигналов, несущих определенную информацию. Однако созданная человеком информационная система отнюдь не является имитацией естественных информационно-коммуникационных средств и способов деятельности. Чем дальше двигаемся мы по пути социально-исторического и научно-технического прогресса, тем чаще мы сталкиваемся с тем, что люди, создавая различные артефакты для выполнения и усиления функций, встречающихся в естественной и социально-исторической среде, выполняют их не по естественным моделям, но реализуют в них структуры и определенные системы, отличные от того, что можно найти в природных» [309, с. 81].

Как было подчеркнуто выше, *технологии коммуникации* – достаточно часто встречаемый термин, но при этом фактически не имеющий четкой содержательной экспликации. Поэтому подчеркнем, что под технологией социальной коммуникации мы понимаем определенный «рецепт» комбинирования (синтеза) техник, форм и средств коммуникационного акта (процесса) с целью достижения реализуемых в его рамках интересов, целей, принципов, мотивов и т. п. При этом доминирующим элементом в содержании данного «рецепта» выступают *средства* коммуникации.

Если под этим углом зрения посмотреть на эволюцию технологии коммуникации в контексте ее влияния на «лицо» современной эпохи, то наиболее важными вехами в этом процессе являются принципиально новые средства коммуникации. К таковым в истории человечества относится возникновение и развитие языка, письменности, книгопечатания, электронных медиа. Именно они кардинально меняют существующий уклад жизни, систему социальных и культурных отношений.

Возникновение языка (первая коммуникационно-технологическая революция) позволило создать первый в истории человечества искусственный канал передачи и обмена коммуникационными сигналами.

Изобретение письменности (вторая коммуникационно-технологическая революция) многократно увеличило возможности человека накапливать и передавать знания и опыт, привнесло больше определенности в опосредованные техники коммуникационных практик.

Книгопечатание (третья коммуникационно-технологическая революция) позволило не только накапливать, хранить, но и тиражировать информацию в невиданных ранее масштабах. Оно привнесло изменения в интеллектуальные и культурные практики, учебно-образовательный процесс, организацию досуга, сформировав также особые сегменты социально-экономической деятельности.

Радио и телевидение (четвертая коммуникационно-технологическая революция) кардинально повлияли на формирование новых способов и форм коммуникации, придав последним массовый и глобальный характер. Данные технологии вышли за пределы собственно коммуникационного значения и приобрели политический (прежде всего государственный), экономический, идеологический и в своем интегральном воплощении – *социокультурный и цивилизационный* смысл.

Наконец, появление компьютерных технологий и созданных на их основе глобальных коммуникационных сетей (пятая коммуникационно-технологическая революция). Впечатляют уже их темпоральные характеристики. Так, еще в 1947 г. президент IBM Corporation Т. Дж. Уотсон утверждал, что в мире будет востребовано приблизительно 5 компьютеров. Еще спустя 30 лет многие из их создателей отвергали необходимость и востребованность

компьютера на дому [288, с. 310]. Уже в 2012 г. суммарное количество всех персональных компьютеров в мире достигло 1 млрд, а в 2014 г. превысило 2 млрд.

Новые технологии до неузнаваемости трансформируют традиционные возможности производства и социализации информации, кардинально изменяют представление о пространственно-временных границах социальной коммуникации, ее онтологических (феномен виртуализации) и эпистемологических (коммуникация знаний) оснований. Формируется новый стиль в экономике, культуре, повседневной жизни людей. Привычными становятся понятия символизации жизненного пространства, информационной и компьютерной зависимости, не снижается градус дискуссии о возможности искусственного интеллекта и т. п.

Естественно, фактически все названные выше средства коммуникации сохраняют свое значение и сейчас. Но что в коммуникационно-технологическом плане *отличает* наше время? И вообще, есть ли какая-либо взаимосвязь между эволюцией средств и форм коммуникации и эволюцией технологических укладов в целом? «Постиндустриальная, или информационная, эра, – писал Д. Белл, – наступает в результате длинной цепи технологических перемен» [29, с. СХХIX]. Американский социолог уподобил их так называемой «технологической лестнице», в соответствии с которой можно составить схему позитивных трансформаций технико-экономической сферы той или иной страны и которая включает следующие ступени:

ресурсная база: сельское хозяйство и горнодобывающая промышленность;

легкая промышленность: текстильная, обувная и т. д.;

тяжелая промышленность: металлургия, судостроение, автомобилестроение, машиностроение;

высокие технологии: измерительные приборы, оптика, микроэлектроника, компьютеры, телекоммуникации;

отрасли, базирующиеся на научных достижениях будущего, – биотехнологии, материаловедение, космические исследования и т. д.

В качестве примера продвижения вверх по «технологической лестнице» Д. Белл рассматривал Японию, которая, после утраты в послевоенные годы позиций в легкой промышленности, стала активно развивать сталелитейную отрасль и судостроение, отняв у Великобритании лидерство в обеих этих сферах. Но, поскольку это были отрасли с высоким уровнем энергопотребления, то после нефтяного кризиса 1973 г. Япония переориентировалась на оптику, микроэлектронику и автомобилестроение, используя новейшие производственные технологии. «В принципе, – пишет Белл, – существуют три условия, дающие странам возможность продвигаться вверх по технологической лестнице: политическая стабильность, которая позволяет инвесторам надеяться на получение прибыли; наличие большого класса предпринимателей, инженеров, техников и квалифицированных рабочих, разрабатывающих и производящих товары; соответствующая система образования для подготовки грамотных специалистов, обладающих знаниями, необходимыми для применения новых технологий» [29, с. СХХХ].

Идея «технологической лестницы» Д. Белла тесно пересекается с более систематизированными, на наш взгляд, представлениями о так называемых *технологических укладах*, лежащих в основе общественных укладов. Технологический уклад охватывает замкнутый макропроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующий тип общественного потребления. Технологический уклад, как правило, отличается единым техническим уровнем составляющих его производств, которые связаны потоками качественно однородных ресурсов и опираются на общие ресурсы квалифицированной рабочей силы, общий научно-технологический потенциал и т. п. [128, с. 64].

В настоящий момент парадигмальной является точка зрения о существовании *шести* технологических укладов. Начиная с промышленной революции в Англии, в развитии мировой экономики можно выделить периоды доминирования пяти последовательно сменяющих друг друга технологических укладов. Сегодня в развитых странах преобладает пятый и начинает формироваться шестой технологический уклад. Приблизительные сроки становления технологических укладов и их основные характеристики приведены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, *продолжительность* каждого последующего технологического этапа неуклонно сокращается. Это связано с общими процессами кумулятивного развития опыта, знаний и технологий, их интегральными проявлениями в системе генерирования инноваций, с интенсивным характером их внедрения в практику социально-экономического и духовно-культурного развития.

Доминирующий сегодня *пятый* технологический уклад начал складываться в целостную воспроизводственную систему в 1950–1960-е гг. и стал технологической основой экономического роста после структурного кризиса 1970-х гг. Ядро этого технологического уклада составляют микроэлектроника, программное обеспечение, вычислительная техника и технологии переработки информации, производство средств автоматизации, космической и оптоволоконной связи.

Таблица 1. Эволюция и характеристики технологических укладов

Номер уклада	Период доминирования, годы	Технологические лидеры	Развитые страны	Ядро технологического уклада	Ключевой фактор	Формирующееся ядро нового уклада	Преимущества данного технологического уклада по сравнению с предшествующим
1	1770–1830	Великобритания, Франция, Бельгия	Германские государства, Нидерланды	Текстильная промышленность, текстильное машиностроение, выплавка чугуна, обработка железа, строительство каналов, водяной двигатель	Текстильные машины	Паровые двигатели, машиностроение	Механизация и концентрация производства на фабриках
2	1830–1880	Великобритания, Франция, Бельгия, Германия, США	Италия, Нидерланды, Швейцария, Австро-Венгрия, Россия	Паровой двигатель, железнодорожное строительство, транспорт, машино-, паростроение, угольная, станкоинструментальная промышленность, черная металлургия	Паровой двигатель, станки	Сталь, электроэнергетика, тяжелое машиностроение, неорганическая химия	Рост масштабов и концентрация производства на основе использования парового двигателя
3	1880–1930	Германия, США, Великобритания, Франция, Бельгия, Швейцария, Нидерланды	Россия, Италия, Дания, Австро-Венгрия, Канада, Япония, Испания, Швеция	Электротехническое, тяжелое машиностроение, производство и прокат стали, линии электропередачи, неорганическая химия	Электро-двигатель, сталь	Автомобилестроение, органическая химия, производство и переработка нефти, цветная металлургия, автомобильное строительство	Повышение гибкости производства на основе использования электродвигателя, стандартизация производства, урбанизация

Номер уклада	Период доминирования, годы	Технологические лидеры	Развитые страны	Ядро технологического уклада	Ключевой фактор	Формирующееся ядро нового уклада	Преимущества данного технологического уклада по сравнению с предшествующим
4	1930–1980	США, страны Западной Европы, СССР, Канада, Австралия, Япония, Швеция, Швейцария	Бразилия, Мексика, Китай, Тайвань, Индия	Автомобиле-, тракторостроение, цветная металлургия, производство товаров длительного пользования, синтетические материалы, органическая химия, производство и переработка нефти	Двигатель внутреннего сгорания, нефтехимия	Радары, строительство трубопроводов, авиационная промышленность, производство и переработка газа	Массовое и серийное производство
5	С 1980–1990 до 2030–2040	Япония, США, ЕС	Бразилия, Мексика, Аргентина, Венесуэла, Китай, Индия, Индонезия, Турция, Восточная Европа, Канада, Австралия, Тайвань, Корея, Россия и СНГ	Электронная промышленность, вычислительная, оптоволоконная техника, программное обеспечение, телекоммуникации, роботостроение, производство и переработка газа, информационные услуги	Микроэлектронные компоненты	Биотехнологии, космическая техника, тонкая химия	Индивидуализация производства и потребления, повышение гибкости производства, преодоление экологических ограничений по энерго- и материалопотреблению на основе АСУ, деурбанизация на основе телекоммуникационных технологий

Источник: [97, с. 49].

С начала 1990-х гг. в недрах пятого технологического уклада стали зарождаться элементы следующего (новейшего) *шестого* технологического уклада. Его ключевыми факторами становятся: биотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы, компьютерное оборудование, формирование сетевых бизнес-сообществ.

Дальнейшее развитие получают гибкая автоматизация производства, космические технологии, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, ядерная и водородная энергетика. Происходит еще большая интеллектуализация производства, переход к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий. Прогресс в технологиях переработки информации, системах телекоммуникаций влечет за собой дальнейшую глобализацию основных сфер жизнедеятельности мирового сообщества. В числе определяющих национальные конкурентные преимущества факторов: образование, развитие науки, возможности информационно-коммуникационной среды, раскрытие интеллектуально-творческих способностей каждой личности, развитие ключевых производственно-технических систем нового технологического уклада, высокое качество жизни.

По мере роста цивилизационных факторов становятся более разнообразными средства и формы социальной коммуникации, усиливается воздействие на них научно-технического прогресса общества. В данной связи можно сделать следующий вывод: по мере развития общества его коммуникационные связи и отношения все более технологизируются, характеризуются при этом усилением их связи с экономико-технологическими укладами. Эволюция же последних, наоборот, связана с усилением их коммуникационного статуса.

Данные вышеприведенной таблицы свидетельствуют о том, что две первоначально слабо связанные эволюции (эволюция технологических укладов и эволюция коммуникационных технологий) соединяются в один процесс на современной стадии цивилизационного развития, характеризуя его постиндустриальные и информационные сценарии. Другими словами, современные инновации в области науки и культуры, техники и технологии, экономики и социальной организации способны реализовываться на развитой информаци-

онно-коммуникационной основе, определяя, в свою очередь, и ее собственный технологический фундамент.

Сегодня данные технологии не могут развиваться и реализовываться вне развитых коммуникационных сетей генерации и социализации интеллектуального ресурса человечества. Пятый и последующий технологические уклады представляют собой не что иное, как *конвергентную* модель современной технологической картины мира, интегрально включающей в себя, с одной стороны, новейшие технологии (биотехнологии, нанотехнологии, информационные технологии и др.), полученные в рамках развития фундаментального теоретического знания, и, с другой стороны, коммуникационные технологии, которые, в свою очередь, представлены всеми известными средствами и формами социальной коммуникации.

Исторически первым важным шагом на пути интеграции технологических, визуальных и вербальных средств социальной коммуникации стало *телевидение*. По своей эффективности и популярности оно выигрывает у многих средств массовой коммуникации, а телевизор стал атрибутом домашней обстановки любого рядового субъекта. Телевидение, передавая информацию одновременно из множества точек, сделало мир действительно «глобальной деревней», парадоксально, но уже привычно позволяя нередко знать о событиях в далеких государствах больше, чем о собственных соседях, объединяя весь мир в единое информационное пространство.

Интенсификация процессов обмена информацией как количественно, так и качественно привела к тому, что уже существующие средства массовой информации не могли удовлетворить потребностей социальной коммуникации. Поэтому именно *Интернет*, как *принципиально новое средство социальной коммуникации*, стал тем феноменом, который не только удовлетворил запросы общества в скорости и объеме передачи информации, но и способствовал изменению самого характера социальной коммуникации, и, следовательно, самой социальной структуры общества. В связи с этим М. Кастельс подчеркнул, что «мы приблизились к созданию чисто культурной структуры социальных взаимодействий. Именно поэтому информация стала основным компонентом нашей социальной организации, а потоки идей и образов составляют основную нить общественной структуры» [163, с. 505].

Следует отметить, что массовое освоение Интернета, как принципиально новой социокультурной технологии, породило тенденции его идеализации или идолизации, по сути делая из него не просто средство или удобный инструмент коммуникации, но либо феномен электронной «обетованной земли», либо фактор дестабилизации и разрушения социальной системы. Поэтому важно осмысление Интернета без излишней эмоциональности и ажиотажа, чтобы проследить все возможные сценарии его развития, а также связанную с его прогрессом трансформацию культуры и социальной коммуникации.

Как и многие другие эффективные технические изобретения, Интернет создавали изначально в военных целях, чтобы рассредоточить информацию и обеспечить ее сохранность, а также чтобы при любых обстоятельствах работа военной системы из-за недостатка оперативной информации не была бы парализована. На основе этой коммуникации в 1969 г. была создана сеть ARPANET, которая по существу является точкой отсчета сети Интернет.

Интернет, как средство коммуникации, имеет ряд характерных особенностей, которые отличают его от других СМИ и определяют принципы его функционирования. На современном этапе развития цивилизации особенно важным является доступ к информации, и Интернет, без сомнения, начинает выполнять функцию обеспечения плюралистического информационного потока. По словам Г. Вайнштейна, предоставляя пользователям «широчайший и чрезвычайно быстрый доступ к различным источникам информации, Интернет меняет повседневный образ жизни миллионов людей, сокращает пространственные и временные ограничители человеческой активности. С этой точки зрения, можно говорить о

"социальной революции", осуществляемой Интернетом» [58, с. 21]. Действительно, оплетая «паутиной» весь мир, глобальная сеть изменяет характер отношений между социальными институтами, политическими и экономическими акторами, расширяет культурный и образовательный горизонты, трансформируя процесс коммуникации и ускоряя процессы глобализации. Метафорически Интернет можно назвать «виртуальным пространством гиперболизированных желаний и возможностей». Развиваясь, глобальная сеть стала местом, где каждый потенциальный субъект интернет-коммуникации может в принципе и хотя бы виртуально реализовать потребность в свободе и равенстве каждого пользователя.

С позиций постмодерна, Интернет носит *ризоматический* характер. Хотя этимологически ризома в переводе с французского (*rizome*) означает корневище, но это альтернатива классического централизованного образа мира – дерева, мира – корня космоса Единого. Но «мысль – не древоподобна, а мозг – не корневая разветвленная материя... Это – не Единое. Но это и не множественное, которое происходит из Единого... Она состоит не из единств, а из измерений, точнее, движущихся линий...» [364, с. 20–21, 27].

Механизм функционирования глобальной информационно-коммуникационной сети основан на том, что это принципиально незаконченная, неиерархическая, динамично развивающаяся система. Очевидно, что «непрерывно происходящие процессы изменения не позволяют сети стать тождественной самой себе, что делает невозможным ее калькирование» [406, с. 60]. Глобальную сеть можно представить как децентрализованную структуру с разветвленной системой информационно-коммуникативных линий, соединяющих между собой в разной мере удаленные точки передачи и получения информации.

В отличие от таких, уже традиционных, средств массовой информации, как радио, телевидение, газеты, Интернет можно назвать массовым только по количеству его потребителей, так как сам процесс человеческого общения посредством глобальной сети имеет тенденцию к демассифицированности.

Рассматривая сущностные черты Интернета, необходимо обратить внимание, что многие его свойства носят амбивалентный характер, то есть могут порождать разнонаправленные процессы. Некоторые исследователи считают, что Интернет способствует расширению пространства социальных отношений, позволяя формироваться группам соответственно их интересам. Но существует и противоположная точка зрения, согласно которой такого рода социальные отношения носят превращенный характер, на самом деле разрывая подлинные социальные связи.

С развитием интернет-технологий сама коммуникация носит все больше опосредованный характер. В процессе интернет-коммуникации все меньше места остается для непосредственной (тем более для невербальной, например, тактильной) коммуникации. Следуя за М. Кастельсом, можно отметить, что «ни люди, ни локалии, ни отдельные виды деятельности не исчезают; исчезает их структурное значение, переходящее в незнакомую ранее логику метасети...» [163, с. 503]. Интернет-коммуникация опосредуется и обуславливается сетью электронных коммуникаций, которые формируют и передают оцифрованный аудиальный и визуальный гипертекст.

Интернет предоставляет практически безграничные возможности для коммуникации, при этом предлагая человеку возможность выбрать как механизм осуществления процесса коммуникации, так и круг коммуникантов. «Интернет становится средством, обеспечивающим его пользователям возможность коммуникации именно с тем фрагментом реальности, который является наиболее близким для их индивидуальностей...», – замечает Ю. И. Шелистов [406, с. 68].

Интернет – это пространство индивидуальной анонимности. Анонимность как расширяет возможность действия в сетевой среде, так и делает коммуникацию более проблемной. Интернет способствует процессу предельной субъективизации, индивидуализации чело-

века: «Я» в Интернете существует как самоидентифицирующаяся единица, которой доступны многочисленные варианты реализации своего потенциала в виртуальной среде. В сети каждый получает возможность иметь своего «Другого» для выстраивания собственной идентичности. Как уже было отмечено выше, Интернет по своей природе носит демассифицированный характер.

2.1.2. Горизонты техносоциума

Техногенез современного общества определяется не только процессами компьютеризации и бурно развивающимися интернет-технологиями. Он имеет свою историю и свои предпосылки. Человечество встретило XXI век во многом неопределенно и даже противоречиво как с точки зрения самопонимания своего потенциала, так и осознания перспектив социоприродного развития. Люди гордятся тем, что придает им особый статус в окружающей естественноприродной заданности, а именно своим разумом. Он создал так называемую вторую природу – искусственный, технизированный мир (техномир), наделил объекты этого мира фантастическими свойствами, стирающими границы между естественным и искусственным. Еще в середине прошлого столетия французский философ Ж. Эллюль провозгласил: «Средой обитания человека является теперь не природа, а техника» [446, р. 394].

Сегодня техника, как никогда ранее, воздействует на возможности и условия рождения человека, организацию его быта и досуга, получение информации и образования, качество профессиональной деятельности, особенности социальной и культурной коммуникации. Автор нашумевшей книги «Физика будущего» профессор теоретической физики Митио Каку [155] на основе бесед с более чем 300 учеными мирового уровня и посещений передовых лабораторий делает прогнозы развития общества и технологий примерно на 100 лет вперед. Вот некоторые из них, относящиеся к ближайшим полтора десятка лет.

Автомобили на углеводородном топливе будут активно вытесняться электромобилями и автомобилями на водороде. Все они станут самоуправляемыми. Появится гибкая электронная бумага. Портативный компьютер на органических светодиодах можно будет свернуть и спрятать в бумажник. Подключиться к Интернету окажется возможным без компьютера, прикрепив экран наподобие крохотной линзы к оправе очков. Киберпространство станет осязаемым: тактильные технологии позволят человеку ощутить присутствие сгенерированных компьютером объектов.

Получат широкое распространение роботы-сиделки, будет возможным получить нужный совет от робота-юриста, робота-психолога, робота-доктора. Личная карта генома станет доступной технологией. «Умные» пузырьки для таблеток своевременно сообщат на мобильный телефон или электронную почту о необходимой дозе и времени приема лекарства. Выраживание новых органов на специальных фабриках непосредственно из клеток конкретного человека (тканевая инженерия) станет массовым.

Будут разработаны и запущены в производство наноустройства, которые можно будет внедрять в наше тело и управлять ими. Молекулярные машины смогут точно лечить или устранять больные клетки и при необходимости заменять хирургов на операциях.

Наиболее востребованными окажутся профессии, связанные с робототехникой, моделированием систем искусственного интеллекта, представлением знаний и смыслов в разнообразных экспертных системах.

Есть и другие сведения, которые подтверждают и усиливают прогнозы Митио Каку. Ученые Мэрилендского и Мичиганского университетов в 2008 г. провели эксперимент по квантовой транспортировке, который сулит потрясающие перспективы компьютерной индустрии. Подтвердился феномен квантовой суперпозиции, которым описывается способность частицы находиться одновременно в двух состояниях, что позволяет квантовому биту

(кубиту) хранить два числовых знака одновременно. Таким образом, производительность квантового компьютера, имеющего 300 кубитов, будет равна двум в трехсотой степени, и парадокс в том, что это число превышает количество частиц во Вселенной.

О важности таких направлений, как интернет вещей и разумные среды обитания (включая умный дом и умный город), свидетельствует принятие соответствующих программ развития во всех технологически развитых странах. Интернет вещей уже сейчас является приоритетной стратегией развития для множества транснациональных корпораций, среди которых IBM, Cisco Systems, Hewlett Packard. Прогнозируется создание по аналогии LAN (Local Area Networks) – локальных сетей так называемых BAN (Body Area Networks).

Есть, конечно, и скептики в оценках головокружительных успехов технического прогресса. Сторонники *алармистских настроений* утверждают, что в новейшей мировой истории развитие техники и технологий обусловило ряд техногенных катаклизмов и экологических катастроф, сделало возможными глобальный терроризм, информационные войны и «twitter-революции». Они не согласны с тем, что технико-технологический прогресс – создание новых нано-, био- и IT-технологий – позволит решить существующие проблемы и спасет человечество от исторического тупика или глобальной катастрофы.

Достижения технического прогресса трудно переоценить, а в чем-то они кажутся даже фантастическими. Чтобы понять их предпосылки и сущность, оценить горизонты возможного и допустимого, необходимо обратиться к истории вопроса, точнее говоря, его философии.

Практически все философские трактовки эволюции техники так или иначе обращаются к античному различению *physis* и *techne*. К примеру, для Аристотеля *фюсис* и *технэ* суть прежде всего, *архэ* – понятие, соединяющее в себе значения «начала», «основания» и «власти». Различие между ними в том, кому (чему) это начало/власть принадлежит: «Все существующее по природе имеет в себе самом начало движения и покоя, будь то в отношении места, увеличения и уменьшения или качественного изменения. А ложе, плащ и прочие [предметы] подобного рода, поскольку они соответствуют своим именованиям и образованы искусственно, не имеют никакого врожденного стремления к изменению...» [15, т. 3, с. 82].

Онтологическим отличием естественного от технического, согласно Аристотелю, служит своего рода «отчужденность», раздельность и разнородность «движущей» причины и того, что она движет, на что действует. *Фюсис* природных предметов есть, с одной стороны, материя, лежащая в их основе, а с другой – *eidos* и *morphe*, поэтому они изменяются сами собой и порождают подобное себе. В тех же предметах, которые создаются технически, дело обстоит иначе: «Все искусства и всякое умение творить суть способности...» [15, т. 3, с. 236]. И далее: «...искусство в одних случаях завершает то, что природа не в состоянии произвести, в других же подражает ей» [15, т. 3, с. 98].

В большинстве трудов по истории и философии техники ее возникновение, социальный смысл и назначение усматривают в стремлении облегчить жизнь, повысить производительность труда, минимизировать зависимость от природы, освободиться от рутинной деятельности и создать возможности для деятельности творческой.

Рассматривая вопрос о генезисе техники, ее возникновение чаще всего выводят из «форм орудийной деятельности животных». Под «орудием» в таком случае понимается само тело животного. В этой же роли до появления технических средств выступает и человеческое тело. Данная позиция созвучна мысли Л. Нуаре: «Только изучение органов тела и их характерных функций бросает свет на возникновение и развитие орудий труда» [270, с. 135].

Важнейшим фактором возникновения техники А. Гелен считал морфофизиологическую ущербность человека: «Техника – это способ целенаправленного создания искусственной среды человеком, обладающим от природы чрезвычайно малой физической выносливостью и неспособным приспособиваться к естественной среде с помощью своих

органов» [451, S. 8]. Аналогично, хотя и в несколько иной связи и задолго Гелена, высказывался и Ж. Ламетри. «Какое животное, – риторически вопрошал он, – умерло бы с голоду посреди молочных рек? Только человек» [194, с. 198].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.